

18+

Андрей Панкратов

Чаша Назаря

Панкратов
Андрей

Андрей Панкратов

Чаша Лазаря

<https://litres.ru/74147523>

ISBN 9785006993112

Аннотация

1421 год. Европа в огне Столетней войны и эпидемий. Когда надежда спасти умирающую возлюбленную почти угасла, к одаренному искателю Ричарду Чейзу является авантюрист Ренард Шеро. Ему нужны способности Ричарда в поиске Чаши Лазаря, способной исцелить смертельный недуг. Но чем ближе цель, тем яснее: за реликвией охотятся не только они. В погоне за роковым спасением рушатся привычные истины, стираются границы между долгом и любовью. А прошлое, даже за гранью жизни, требует ответа за каждую ошибку.

Содержание

Глава 1. Полеты «Дома веселья»	5
Глава 2. «Чаша Лазаря»	16
Глава 3. Озеро сомнений	22
Глава 4. Божий сон	27
Глава 5. Миссия Гавриила	34
Глава 6. Миссия «Самаэля»	39
Глава 7. Гюго и Вигмар	48
Глава 8. Правила общего сна	55
Глава 9. Глаз Гора	65
Глава 10. Девушка на холсте	72
Глава 11. Вигмар Афинский	79
Глава 12. Трубка Нучото	86
Глава 13. Рико Ганс	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Чаша Лазаря

**Андрей Игоревич
Панкратов**

© Андрей Игоревич Панкратов, 2026

ISBN 978-5-0069-9311-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Полеты «Дома веселья»

Под приглушенный колокольный звон из широкой дубовой двери вышли трое мужчин. Двое покрепче, припадая на ногу, двигались по бокам. Их длинные, до пят одеяния из небеленого полотна отдаленно напоминали монашеские. Они вцепились в дерзкого пустобреха и швырнули его на мостовую, словно мешок с отходами. После жесткого приземления один из обидчиков с силой ударил лежащего ногой в живот: избитый сорвал крест с могучей шеи притеснителя и измазал его накидку грязью. Взмахнув широким рукавом, обладатель похищенного пытался разжать пальцы упрямца. Встретив сопротивление, удары возобновились, и грязный сапог уперся лежащему в горло. Сопротивление прекратилось, тело Ричарда Чейза на мгновение обмякло, после чего хромые бойцы забрали свое и удалились.

Избитого оставили лежать рядом с обелиском, к которому была прикреплена доска с отрывком пергамента. Это было объявление 1421 года о том, что в Стокгольме открыт «Дом веселья», с неуклюжей схемой, как его найти.

Место выбрали с умом. Днем лучи солнца освещали вывеску и двери с круглыми бронзовыми набойками, образующими меч. К металлу часто прикасались, поэтому сплав быстро приобрел блеск. Ближе к закату последняя тень обелиска падала на дубовые двери заведения. Народная молва

быстро заметила эти подсказки, и еще до захода солнца люди находили путь к дому веселья. Однако ночью эта наводка не действовала, поэтому на обелиске была подсказка, рекомендуемая прислушаться к колокольному звону — он возвещал о том, что кого-то выбрасывают на улицу.

Причины для таких решений находились без труда. Подогретый забродивший сок винограда со специями в этот холодный день был популярен среди знати. Для гостей среднего достатка были заготовлены бочки с элем, медовухой и сидром. Борцам за трезвость могли предложить чистую воду, настоящую на лимоне, ячмене или шалфее. Тот, кто готов был опустошить кошелек, мог заказать густой гранатовый сироп, разбавленный чистой водой. Напитки могли стоить меньше, если три раза вслух воздать хвалу действующей власти. Видимо, столько же раз питье и разбавляли, что и имел неосторожность заметить один из неудачливых посетителей.

Местный персонал скрупулезно и поименно записывал народные предпочтения. Разный люд приветствовал различных правителей прошлого и современности. Одни вспоминали почившего короля Швеции Альберта, другие — усопшую Маргарету Датскую и ныне правящего короля Дании, Швеции и Норвегии Эрика Померанского. Третьи здравицы звучали в честь магистра Тевтонского ордена Михаэля Кюхмайстера. Поговаривали, что влиятельные лица, связанные с орденскими кредиторами, держат под своим покровитель-

ством не только эту таверну, но и другие дома с разными услугами, где можно обналичить деньги, даже если ты забрел с чужой земли.

Нередко шведы бились с датчанами, французы с англичанами, немцы с выходцами с Руси. К последним здесь питали лютую неприязнь, особенно после Грюнвальдской сечи. Орден выделил огромные средства на выкуп рыцарей из плена. Часть спасенных и покалеченных германцев осела в Стокгольме, где бывшие вояки и выплачивали свой долг, отстаивая интересы ордена. Спустя десятилетие вызволенные отрывались на местных и помогали выбрасывать неугодные тела из заведения, за что получали дополнительную плату. Их можно было узнать по увечьям и мутно-белой одежде, опоясанной ремнем, с черным крестом на груди. Более внимательный глаз заметил бы, что навершия рукояток их мечей украшены маленькими изображениями орденского креста. Видимо, поэтому это заведение стояло именно здесь: не только природа делала его заметным, но и умы с большими кошельками, вложившие состояние в этот дом.

Остаться в стороне оказалось непросто. За вечер жертв гостеприимства было много. Последний избитый, тот самый, который имел неосторожность заметить, что напитки беднякам разбавляют столько же раз, сколько лебезят перед властью. Конкретно за эту обличительную шутку вылетало немало остроумных гостей. Вдобавок последний счастливый обладатель внепланового полета отказался попусту вы-

крикивать политические предпочтения, чтобы просто сохранить инкогнито. Посетитель подвергся нападкам со стороны остальных подозрительных гостей, рьяно защищавших власть словом и мечом. Владельцы заведения неспроста держали воинственных монахов на содержании. Их хозяева были уверены, что иноверцы боятся прилюдно озвучить взгляды, и так отделяли своих от чужих. Получив весь букет гнусностей, визитер удостоился чести быть взятым под руки сразу двумя крепкими лбами.

Летяге несказанно повезло, потому что немного ранее из этих же дверей выбросили окосевшего мужчину. Тот бол-

тун сильно осмелел и назвал тевтонское пойло мочой с соседней улицы. Бородатый храбрец хвастался нюхом ищейки и сетовал на вонь напитка, явно разбавленного дрянной водой. Рослые германцы без лишних разговоров схватили правдоруба и под привычный колокольный звон вышвырнули его так, что был слышен хлопок сломавшейся кости. Бедняга приземлился на шею и не приходил в сознание, несмотря на отчаянные попытки друга привести его в чувства. Струсивший собутыльник убиенного стрелой побежал за его семьей. Через некоторое время над умершим навзрыд ревели женщины — мать и супруга с малышкой. Женщина, дожившая до седины, держала голову погибшего и выла на всю улицу, что потеряла свою кровинушку. Супруга же, уткнувшись в еще теплую мужскую грудь, вопила, что лишилась мужа, а их маленькая дочь утратила возможность расти с отцом. Женщины бранили этот дом веселья, который оказался для многих домом скорби, и проклинали тот час, когда их кормилец пристрастился к выпивке.

Вся эта ситуация, свидетелем которой стал последний лютун, не остановила избитого гостя — ведь по обыкновению чужое горе не должно было коснуться его самого. Теперь неудачливый гость сам лежал и не торопился подниматься, держась за место удара. Тупая боль в боку пульсировала в такт ударам сердца, медленно отступая вглубь тела, оставляя после себя ломоту в костях и привкус крови на губах. И тогда накатила бездонная, знакомая тоска, чувство, что грызло его

изнутри. Прозвучал низкий стон, похожий на предсмертный хрип. Боль постепенно проходила, и перевернуться на спину было лучшим решением. В момент, когда его душили сапогом, он потерял сознание, и там, в мыслях, разыгрывалась самая тяжелая трагедия — его собственная.

Разум погрузился в давний осенний вечер. Он вспоминал, как листва только начинала опадать с деревьев. Ветер подхватывал листья вверх, и они застревали в волосах. Нежный поток воздуха развивал водопад русых, слегка кудрявых волос его возлюбленной Селесты. Беззаботно улыбнувшись, Селия побежала к водоему и прыгнула в воду. Эта картина навсегда врезалась в его память — лучше любого искусства. Ни один мастер, даже самый гениальный, не смог бы уловить ту игру света в ее карих глазах. Он помнил, как вздрогнул, потому что Селия позвала Ричарда и обрызгала водой. В памяти всплыли ощущения: прохлада водяных брызг на лице, шелковистость ее прядей, мелькнувших перед глазами, тот цветочный запах. Она призывала Ричарда подойти ближе, и он покорно приблизился. Под всей серьезностью рядом с ней он тут же становился беспомощным мальчишкой. Селия прикоснулась к его гладкому лицу и вынула из его блестящих волос пару сухих листьев. Присмотревшись к темно-каштановой шевелюре, она заметила несколько седых волос и попыталась их выдернуть. Ричард на секунду разозлился, но она умела обернуть его гнев в улыбку и украдкой наблюдала, как яростные искры янтарно-карих глаз пропадают. Же-

ланный голос тихо напевал, что в момент отчаяния она обязательно его услышит и утешит. Ричард осознал, что во сне закружил ее в объятиях и в ответ запел, что найдет способ разогнать вокруг нее всю тьму. Неожиданно Селия толкнула певца в больное место, и Ричард вернулся в реальность.

Летяга проснулся, но вновь пытался вернуться к воспоминаниям, которые помогли бы продолжить сновидение. Нашумевший дом веселья, из которого вышвырнули Ричарда, мог принять и Селию, но жизнь распорядилась иначе. Счастливую женщину, которая ценила каждый миг жизни, поразила лихорадка, не знающая пощады. Ричард с тревогой наблюдал, как ей становилось хуже. Крича в небеса, он задавался вопросом: как это возможно, что его Селия, всем серд-

цем и разумением любящая Бога, так страдает? Она выросла в благочестивой семье и за жизнь длиной в девятнадцать лет ни разу не пропустила ни одной воскресной службы. Ричард в гнев рвал и метал, ревел и вопрошал Творца, почему она, но ответом была тишина. Разговоры родственников о том, что нужно больше молиться об исцелении, выводили его из себя, и он высказывал им все, что думает о Боге и их потугах. Беспомощные лекари разводили руками и вскоре запретили ему контактировать с Селией. Ричард не мог принять и понять, почему смерть посягнула на самое дорогое, что у него есть.

Побитый лежал бы так целую вечность, пока не ощутил на плече тяжелую руку незнакомца, который все это время за ним наблюдал. Ричард Чейз вскочил, стряхнул грязь и уставился на нарушителя его грез. Даже в избитом состоянии, в испачканном дорожном костюме он держался с достоинством, но в его янтарных глаза, некогда живых и ярких, сейчас плескалась лишь пустота.

Незнакомец, напротив, был невысок и субтилен, но одет с иголочки, что странно контрастировало с грязью стокгольмских улиц. Мужчина доброжелательно улыбнулся и заметил, что не каждый день видит такие полеты. Особенно наблюдателя поразило непристойное поведение хромых рыцарей, которые поступили не по-людски, без любви к ближнему. Собеседник выдвинул умозаключение, что бывшие вояки, похоже, покалечены не только снаружи, но и внутри.

В глазах Ричарда немного помутнело от резкого подъема, и навязанный разговор раздражал его. Лицо неизвестного сливалось с местностью, как если бы он пытался разглядеть на снегу белого голубя. Внешность чужака отличалась от большинства — белоснежные волосы, брови, ресницы, кожа почти прозрачная, болезненно-бледная. От него пахло ладаном и сухими травами — запах, больше подходящий церковному ризничему, чем ночному гуляке. Владелец этой странной внешности схватил Ричарда за локоть и назвал себя Ренардом Шеро. Бледно-белый намекнул, что знает о проблеме, которая мучает Ричарда. Тот вырвал руку и дал понять, что названное имя ему ни о чем не говорит. В свою очередь, белоснежный доказывал, что имя Ричард Чейз говорит о многом. Как оказалось, бледнолицый знал о нем все: о заслугах перед английской короной, о землях, состоянии, о любимой женщине, которую никакое золото не в силах спасти.

Когда затронули болезненную тему, Ричард ощутил, как сердце забилося чаще, дыхание перехватило, а глаза застилают слезы бессильной ярости. Нужно было действовать, чтобы скрыть слабость, и он с обезумевшим взглядом схватил Ренарда за грудки так, что тот вскрикнул.

— Что, если Селии еще можно помочь? — преодолевая боль, пропихивал Ренард Шеро. Говорил он вкрадчиво, вежливо, с легким оттенком превосходства, но сейчас, когда его помяли, в голосе прорезались испуганные нотки.

— Вы зарабатываете на горе? — еще сильнее прижав наглеца к кирпичной стене, крикнул Чейз. Голос его сорвался на хриплый шепот, полный ненависти и отчаяния.

— Не родился такой ум, который найдет противоядие от этой проклятой болезни. Но...

— Говори, снежок. Кто ты? — Ричард почти кричал, срываясь на визг. — Человек ты или бес, явившийся глумиться?

Ричард поймал себя на мысли: может быть, это сон, в котором демоны над ним издеваются? Ренард, потеряв хладнокровие, попросил отпустить его, но, не увидев никакой реакции, ударил по рукам, которые его держали. Скорбящий оглядел отбитые конечности и вдобавок ущипнул себя, чтобы исключить вариант кошмарного сна. Ренард Шеро, чьи щеки побагровели, предложил оппоненту вести себя, как подобает его статусу. «Снежок» настойчиво рекомендовал Ричарду успокоиться и вернуться в дом веселья, чтобы узнать все подробности. Поникший Чейз словно в ступоре наблюдал, как бледнолицый поправляет одежду, сетуя на болезненные ощущения в области груди. Вздохнув и поправив сорочку, Ренард закатал рукава и снова позвал Ричарда пройти в заведение. В его спокойствии чувствовалась странная, почти неестественная уверенность человека, привыкшего убеждать.

Враждебная публика, наблюдавшая издалека, ожидала зрелищной драки и была разочарована. Ричард схватился за голову, прилизал растрепанные волосы назад, отряхнулся и

под язвительные насмешки прохожих последовал за таинственным Ренардом Шеро.

Глава 2. «Чаша Лазаря»

Ричард с болью склонился над кружкой пряного напитка, купленного со «скидкой» и любезно предоставленного Ренардом. Заинтересованный гость ждал обещанную информацию. Увидев, что Снежок козыряет золотом и не торопится, Ричард толкнул земляка в бок. Предпочтения в выборе напитка выдали нахмурившегося мужчину, который тут же расплылся в лстивой улыбке. Сгладив белоснежные брови, мужчина, кивая на чайный напиток, заметил, что в такое время одному пить не стоит. Ричард вспомнил о сломавшем шею госте и мысленно выразил несогласие — ведь тот выпивал не один. Чейз старался дышать ровно, но волнение брало верх. Всем видом он давал понять, что пора озвучить обещанное. Ричард знал, что ничего не теряет, а вот авантюрист, напротив, нарвется на неприятности. Спокойное лицо собеседника молочного оттенка раздражало.

— Вы слышали о Фридрихе Втором, короле Иерусалимском? — прервал молчание Ренард.

— При чем тут Фридрих? — напряженно постукивая по столу, спросил собеседник.

— Речь о правителе, который взял Иерусалим без единого сражения.

Ренард Шеро весь светился, когда озвучивал интересные для него факты. Рассказчик упомянул записи советников и

лазутчиков Фридриха, который приказал отыскать в городе все утерянные христианские реликвии. Ричард разминал шею и пальцы, которые начинали покалывать. Желание выслушать до конца было на исходе.

Бледнолицый поведал, что среди этих реликвий отчаянно хотели найти чашу, из которой вкушал Иисус Христос на Тайной вечере. Сосуд известен миру как Святой Грааль. Ричард Чейз, не сдержавшись, иронично хмыкнул и принялся сжимать и разжимать кулаки. Слушатель чувствовал, как его чаша терпения переполняется.

Наблюдая это, рассказчик постарался сгладить настроение собеседника и убеждал, что давно исследует наследие предков. Будучи человеком интеллигентным, он не желает конфликтовать и предложил выход из ситуации.

Ричард встал с места и, очевидно, предположил, что нужна таинственная «чаша». Снежок замотал головой и обнажил ровные зубы, к которым прилипла заварка чая. Чейз сдерживался, чтобы не разбить скалящееся лицо, которое было ему крайне неприятно. Удержав себя от этого намерения, англичанин ударил по столу, а затем и вовсе намеревался уйти, не теряя времени на выслушивание бредовых легенд.

Ренард схватил руку Ричарда и кивнул в сторону вояк в рясах. Любитель чая напомнил летяге о коротком и грандиозном полете, который не хотелось бы повторять, ведь на этот раз вышвырнут обоих. Почувствовав, как предательски сжалось под ложечкой, будто по животу вновь ударили,

Ричард осекся и сел обратно.

— Все привыкли слышать о Святом Граале, вне сомнений, такой существовал...

— Сейчас будет «но»?

— Но нам нужен не Грааль, а Чаша Лазаря. Готов спорить, о ней вы не слышали.

— При чем тут Лазарь?

Ренард ждал этого вопроса и принялся за долгий рассказ: что Христос во время земной жизни часто посещал дом Лазаря; что Спасителя растил Иосиф, плотник из Назарета, и он же с детства обучал домочадцев этому ремеслу — работать с деревом и камнем. Иисус до тридцати лет был искусным ремесленником. Ренард просил представить, сколько деревянных изделий было сделано, продано, отдано в дар или утеряно. Многие верят, что чего бы ни коснулся Иисус, благословенно и без сомнения наполнено Божественной силой. Вспомним также, что непокорные иудеи и последователи Христа были свидетелями чуда, как Лазарь восстал из мертвых. Эту историю все хорошо знают, но не все слышали о Чаше Лазаря.

Собеседник ухмыльнулся, и Ренард тут же поинтересовался, чего бы захотел человек после четырех дней погребения. Ричард не мог ответить, и его ухмылка исчезла. Выждав паузу, рассказчик раскрыл рот и продолжил: по словам очевидцев, оживший Лазарь, пусть и шел, но настолько иссох, что явно помышлял о воде. В доме Лазаря оставалась резная

чаша, из которой пил гостивший у них Мессия. Домашние Лазаря все подмечали и поили воскресшего из этого же деревянного сосуда.

Ричард Чейз закатил глаза, представляя эту картину, и замотал головой. За двадцать восемь лет большей нелепости он не слышал. Слушатель прослезился и утверждал, что это жестокая выдумка, которая ранит сердце надеждой. Собрав себя в руки, он обрушился недоверием на оппонента.

Ренард парировал, что по возрасту недалеко от него ушел, и Ричард может высмеивать существование чаши дальше, но ему, Ренарду, известно, где находится святыня. Ее путь был долог и тернист: сначала она хранилась у общины первых христиан в Вифании, но во время гонений оказалась в Александрии, где ее скрывали в скриптории знаменитой библиотеки среди рукописей и свитков. При правлении императора Константина многие реликвии были перенесены в Константинополь. И наконец, во время четвертого крестового похода, когда крестоносцы разграбили Константинополь, резная чаша была похищена и через посредников продана на рынке в Венеции по цене ненужного хлама. Все отличительные черты чаши были зафиксированы и зарисованы. На внутренней стороне дна есть вырезанный символ рыбы и внутри нее — римская цифра «I», которая, впрочем, может быть и латинской буквой «L». У меня есть зацепки о покупателях, и в настоящее время чаша точно находится в Европе.

Ричард вспылил:

— Почему для этих сказок нужна именно моя персона? Возможно, все банально, и вам нужны связи и средства на экспедицию? Может, стоило подойти к любому в этой горе-таверне, например, к сидящим в углу увечным вышибалам или их хозяевам? — Эти фанатичные вояки составят отличную компанию в поиске несуществующего сосуда, а потом и вовсе разделают вас как рыбу, — сурово продолжил Ричард.

— Да, вы не бедствуете, но, простите за сравнение, вы обладали репутацией лучшей ищейки при дворе. Главное, что мотивы, движущие вашей душой, не позволят обмана, потому что в данный момент вы заинтересованы в чаше больше, чем кто-либо.

Выждав паузу, Ренард опасно положил руку на спину собеседника и почти шепотом посоветовал ему ухватиться за эту возможность. Поверить, что чаша обладает свойствами, способными исцелять.

Ричард схватился за голову, и глаза вновь наполнились влагой. Поток мыслей обволок рассудок, взвешивая все за и против. Вера и сомнение обуяли его сердце. «Будь он трижды Фома — такой силы нет на свете», — думал он. А если есть, не лучше ли проверить на деле, чтобы вечность не сожалеть об упущенном моменте?

Ричард не был трусом и принял непростое решение: он верит, но его неверию нужно помочь. Посмотрев на напиток, он с отвращением сжал кружку с такой силой, что та тресну-

ла. Содержимое медленно растеклось по столу, и по таверне поплыл пряный, тяжелый запах пролитого вина.

Ренард Шеро не прерывал наплыв эмоций и задумчивое молчание собеседника. Рассказчик понимал, что нить судьбы, которую он распутывал и наконец нащупал, привела его к этому человеку не просто так. Он сидел неподвижно, вцепившись бледными пальцами в край стола, и ждал.

Наконец глаза Ричарда Чейза открылись, огонь в его зрачках передавал, что появилась цель. Ментально это уже был другой человек. Было видно, что для него теперь нет ни расстояний, ни преград, которых бы он не преодолел ради спасения любимого человека. В его карих глазах, еще недавно потухших от горя, теперь горела холодная, расчетливая решимость.

Секунду спустя его уста прервали затишье. Всего пару слов, произнесенных с железной решимостью, изменило все.
— Я в деле.

Глава 3. Озеро сомнений

Вернувшись из «Дома веселья» в свою обветшалую комнату в покосившемся доме, Ричард принялся собирать экипировку, которая могла пригодиться в пути. За дверью ждал Ренард, а снаружи за ними уже наблюдал глазастый кучер, который ненавидел опоздания. Повозка с парой ретивых жеребцов была готова тронуться в путь. Пунктуальный возничий ловко успокаивал нрав непослушных лошадей и, бурча, ждал нанимателей.

Пока Ричард интересовался маршрутом, невымытый молодец посылал их к чертям и тихонько посмеивался. От долгого ожидания у него болела спина, и сквозь многослойную одежду прорисовывался горб. Ренард чувствовал на себе злой прищур, и на мгновение ему стало не по себе, но, отбросив эти мысли, он бросил монету горбуну, вызвав на его лице кривую ухмылку. Эта нелепая улыбка ободрила Ренарда, и он уставился на Ричарда, мысленно его подгоняя.

«Всех не успокоить», — подумал Ренард и принялся рассказывать о множестве предстоящих остановок, игнорируя ропот возничего. Пришлось дважды объяснять, что путь лежит к озеру Меларен, где их ждут люди с лодкой, чтобы переправить на корабль. Затем, через Балтийское море, останется добраться до земель тевтонцев, и до цели будет рукой подать.

Ричард вышел в коридор и преклонил колено перед распятием. Немая молитва была о Селесте и надежде спасти ее за время, оставшееся у нее в запасе. Он взывал к Богу, чтобы ей хватило сил дождаться их возвращения, а им — успеть. В полумраке коридора тусклый свет одинокой свечи выхватывал из темноты его профиль, и Ренард, наблюдавший за этой сценой, на мгновение увидел в этом жесте не просто отчаяние, а что-то большее — смирение человека, готового на все.

Кучер брезгливо хихикнул и перекрестился, после чего трижды плюнул через плечо и постучал себя по голове.

Ренард тоже преклонил колено и взмолился: «Господи, укрепи нашу веру в поисках Чаши Лазаря!» Голос его звучал ровно, но в нем чувствовалась та же странная, почти неестественная убежденность, что и тогда, в таверне.

Ричард неодобрительно перевел взгляд на бледнолицего и в очередной раз напомнил, что, если эта авантюра окажется фанатичным вымыслом, в опасности окажется нечто большее, чем «молочные грудки» Ренарда.

Тот счел это забавным, заметив, что так близко к нему еще не прижимался ни один мужчина. Горбатый заплодировал, когда наниматели уселись в повозку, и они тронулись в путь.

Бесконечные мысли и сомнения продолжали терзать Ричарда Чейза. Резво преодолев площадь Стурторгет, повозка объехала многочисленные дома купцов и выехала на улицу Копмангатан. Сомневающийся путешественник то и дело выглядывал наружу, но спустя час перестал отодвигать занавес.

веску и задремал. Тем временем Ренард бодрствовал и вел записи в дневнике. Путники приближались к берегу Меларена, где их уже ждали наемники.

От толчка Ричард открыл глаза и с неодобрением посмотрел на бледные жилистые руки своего спутника. Дремавший всю дорогу, он мысленно вновь и вновь перебирал рассказ Ренарда о чаше, представляя, как этот деревянный сосуд спасет Селесту. Ричард сетовал на то, как жизнь посмеялась над ним, предложив неравную игру со смертью.

Путешественник невольно вспомнил солнечный день у моря, когда они с Селестой обменялись клятвами. Ричард первым протянул ей письмо с важными словами, а в ответ получил кулон с запиской, чье содержание было для него не менее значимо. Он почти физически ощутил тот день: соленый ветер, касающийся лица, тепло ее ладони в своей руке, запах моря и цветущих трав, смешанный с ароматом ее волос.

Шум снаружи вернул Ричарда в настоящее. Он отодвинул занавеску и разглядел, что к повозке направляются несколько людей в черных накидках. Скрытые капюшонами лица выкрикивали упреки: скоро смеркается, а англичане опоздали. Ренард попытался оправдаться, указав на взмыленных лошадей, и встретил взгляд недовольного кучера. Тот предательски замотал головой, обличая их долгие сборы. Без того бледная кожа Ренарда побелела еще больше. Он ту же затянул пояс, на котором болтался кинжал.

Его рукоять показалась попутчику уникальной и знакомой. На черненой стали был вычеканен вздыбленный золотой лев в короне — тот самый, что украшал шлем самого Генриха Ланкастера. В одной его лапе зажат меч, а другой он опирался на щит.

Ричард тут же поинтересовался, какую ценность имеет это оружие для его обладателя. Глаза Ренарда засияли, он обнажил кинжал, на лезвии которого виднелась надпись «Бог и мое право». Он сдержанным тоном объяснил, что это трофей, добытый в сражении. Выдержав паузу, добавил, что кинжал был дарован ему внезапной милостью короля Англии, Генриха Ланкастера.

— Что же выдающегося вы совершили для такой милости? — спросил Чейз, вспоминая, как сам проливал кровь в битве при Азенкуре, где его народ одержал верх над французами.

Ренард прекрасно знал о заслугах оппонента, но героев в той долгой войне было больше, чем звезд на небе. Кинжал, которым он владел, был вынут из тела полуживого француза. Длань короля метнула это изящное и смертоносное оружие в плоть врага, чем спасла жизнь своего подданного — самого Ренарда.

Ричард не ожидал услышать такой истории от исследователя реликвий и проникся к рассказчику большим уважением. В этом бледном, сдержанном человеке, оказывается, тоже жил воин.

Снаружи послышалась нецензурная брань и возня. Ребята в капюшонах принялись избивать кучера. Тот не планировал помогать с багажом и без остановки болтал, пока один из наемников незаметно не подкрался и не толкнул его ногой в грязь. Горбатый осыпал обидчиков проклятиями, навлекая на себя еще больший гнев. Спутники вышли из повозки, и их вмешательство прекратило драку. Возничий, поправляя нос, гнусаво завыл и забрался на прежнее место, запомнив очередную обиду, причиняемую людьми. Двое ухмыляющихся наемников продолжили перетаскивать багаж в лодку, с насмешкой хрипло передразнивая завывания кучера.

Устроившись поудобнее, насколько позволяла ситуация, Ричард отгородился от постороннего шума и достал бурдюк с согревающим напитком, глядя на заходящее солнце. Селеста была единственной, кто занимал его мысли. Ричард смотрел на воду, во власти которой теперь находилась их лодка. Судно качнуло, и на секунду его посетило желание броситься ко дну, чтобы навеки стать частью тайн этого озера. Но, подумал он, в смерти нет романтики, как рассказывают юнцы, идущие навстречу гибели. В ясном уме покидать этот мир тяжело и страшно. Еще невыносимей мириться с уходом близких.

Он закрыл глаза и задремал под мерный плеск весел.

Глава 4. Божий сон

Крепко уснув, Ричард почувствовал, что тело больше не в его власти. Открыв глаза, он ощутил, как страх заставляет сердце биться сильнее. Осознавая, что это не явь, спящий попытался успокоить разум, но что-то неудержимо тянуло его вниз. Сделав усилие и посмотрев ниже, Ричард увидел под собой английский флаг. Погода стремительно и неестественно менялась. Стало холодно, и сильная снежная буря накрыла человека, державшего знамя. Несмотря на это, Ричард был уверен, что человек, бросивший вызов буре, — Генрих V Ланкастер.

Наблюдатель услышал крики, несмолкаемый шум, свист стрел и лязг металла. Ричард почувствовал неконтролируемую тревогу и животный страх всех этих людей, лишивших друг друга конечностей, а впоследствии и жизнью.

— Боже... — невнятно шептал Ричард, объятый сном. Его дух трепетал, непрерывно молился и с каждым смертельным ударом вскрикивал: «Боже!».

Ричард видел, как противники англичан рассекают их армию надвое. Мужчина, державший знамя, запачканное кровью, смотрел вверх и увидел, как белоснежный голубь парил над ним. Опустив взгляд на свою грудь, он увидел торчащее оперение стрелы.

Очи Ричарда пытались найти свои руки, но вместо них были белоснежные крылья. С этого момента наблюдатель понял, что может управлять сном. Вселившись в голубя, он подлетел к знаменосцу ближе. Чейз разглядел, что это не король, а похожий на него человек. Его одежда и оружие указывали на знатное происхождение. Знаменосец потянул ру-

ку к птице, и Ричард испугался.

— Боже, в этой битве при Тебе погибаю, — из последних сил, держа знамя, произнес поверженный воин.

Ричарда начало трести изо всех сил, и он потерял контроль над птицей. Наблюдатель понял, что его сну начинают мешать. Скорее всего, сотрясали его тело, а разум пытался постепенно вернуться к реальности.

Ренард Шеро, беспокоивший Ричарда, подумал, что с ним случился приступ. Взволнованный соратник, увидев, что спящий открыл глаза, удивился, насколько крепок его сон.

Ричард отпихнул возмутителя спокойствия и, оставаясь в ясном сознании, тут же завел разговор о службе королю. Его интересовало, не мучает ли совесть душу Ренарда за то, что тот оставил правителя в незаконченной войне. На что оппонент тут же ответил, что его совесть выбрала иной путь.

Ричард потребовал без утайки объяснить его истинную роль в этом путешествии. Ренард взял бумаги и принялся озвучивать факты об оппоненте. Он затронул его участие в битвах, где Ричард входил в совет командования английской армии. Указал на скромные таланты в стратегии, тактике, перехвату вражеских агентов и донесений. Одна из записей гласила: «Ричард Чейз — человек, который видит исход сражения еще до его начала». Послышался смешок, но Ренард продолжил, что верит: каждому человеку дано обладать силой, которую ему открывает Господь.

Ричард вспомнил свой сон и сжал кулак. Испытание, ко-

торое ему послано, ожесточило сердце, и речи о Боге лишь злили. Глаза невольно наполнились влагой, и Ричард признался, что день и ночь просит Творца сохранить жизнь Селесте, но его молитвы остаются без ответа.

Ренард покачал головой, затем хлопнул себя в грудь, возмущаясь, что его появление в жизни Ричарда и есть ответ. Шеро с присущей ему теплой улыбкой объявил, что Бог действует руками людей. Снежок дал понять, что путь страданий объединил их, и его миссия — помочь в спасении.

Ричард начинал догадываться, что оппоненту не нужны его связи, титул или деньги на экспедицию. На самом деле он верит всем рассказам о нем и убежден, будто пути к обладанию чашей Лазаря явятся ему во сне. Чейз невольно рассмеялся и вслух предположил, что такой план безумного исследователя древних артефактов был последним актом отчаяния.

Ренард попытался скрыть удивление и выразил сомнение, что отошедшему от сна привиделось именно это. Ричард не стал развивать эту мысль и схватился за голову, называя этот сон лишь бредом полудремы.

— «Боже»... — прошептал Ренард. — Пока я тебя будил, ты повторял...

— «Боже, в этой битве при Тебе погибаю», — продолжил Ричард, вспоминая фразу знаменосца.

Бледная кисть записала эту фразу, и спустя пару минут глаза Ренарда заблестели, а голос задрожал.

— Сражение при Боже... Но как?

Ричард подавил гнев и тяжело вздохнул: их совместный путь только начался, а ему уже приходится выслушивать теории, в которых он становится чуть ли не вражеским шпионом. Можно было наказать болтуна за тяжкое обвинение, но такой конфликт не приблизит к цели. Конечно, эти заявления подкреплялись мифическими фактами в его деле, что отчасти объясняло подобные догадки. Ренард утверждал, что лишь узкий круг лиц знает о готовящемся переходе через границу у французского города Боже. Лицо Ренарда залилось краской, ибо он понял, что выдал лишнюю информацию и беспочвенные обвинения.

Постепенно собеседник начал убеждаться в истинных причинах путешествия. Ричард вопросительно посмотрел на оппонента и предположил, что искатель реликвий преследует столь же благородную цель и желает спасти близкого человека. После продолжительного молчания Чейз призвал немедленно сообщить правду, и он в ответ на искренность закроет глаза на унижительные домыслы.

Ренард кивнул, указал на кинжал и добавил, что его цель — вернуть долг королю, здоровье которого резко пошатнулось, и никто не знает, сколько ему осталось. Ведь Генрих когда-то спас его, метнув кинжал во врага, уже занёсшего над Ренардом смертельное жало копья.

Ричард вспомнил все встречи с Генрихом Ланкастером. Он испытывал к нему глубокое уважение. В битве при Азенкуре Ричард Чейз командовал добровольческим отрядом, который по дороге на Кале столкнулся с врагом и первым принял удар. Послав гонцов предупредить все войско, Ричард занял высоту, приказал укрепить местность повозками, частоколом и занял оборону.

Сражение преследовало его в кошмарах. Ему вновь снилось, как солнечный свет гас под тучей стрел. Военачальник не был сторонником благородных битв и подготовил для врага неожиданные сюрпризы. Командир добровольцев и наемников, сражавшихся в разных частях света, приказал выкатить на противника пушки на четвероногих подставках. Сильного разрушительного эффекта выстрелы не произве-

ли, но часть французского войска, особенно лошади, пришла в панику. Французы давили друг друга. Ричард видел ошибки в командовании противника. Чейз наблюдал, как первые шеренги врага спрыгивали с испуганных коней и под тяжестью доспехов ломали себе ноги. Это мешало остальным всадникам.

Ричарда мучили крики и пугали взрывы пушек. Англичане почувствовали вкус крови, и первая линия без приказа бросилась в атаку. Командир Чейз кричал, приказывая не покидать укреплений, трубя в рог отступления. Спускаться с высоты было для его храбрых бойцов роковой ошибкой, которую Ричард не мог себе простить. Глупость, граничащая с отвагой, заставила их ринуться в ближний бой и отбросить французов, но ценой многих молодых жизней.

Ренард замечал, что Ричард сам себе на уме, что его взгляд замирал и был направлен в потолок или стену. Наблюдателя мало волновало, что было в голове этого человека. Главное, что его попутчик — будь он сновидец или шпион — проложит путь к заветной святыне. Ренард Шеро, без резкой необходимости, решил больше не мешать Ричарду пребывать во сне и вернулся к записям в дневнике.

Глава 5. Миссия Гавриила

За полгода до отъезда в Стокгольм Ренард Шеро находился в Лондоне в ожидании аудиенции у Генриха Ланкастера. Подданный короля волновался: из-за затянувшейся войны местоположение правителя постоянно менялось.

За день до встречи в дом к Ренарду явилась группа вооруженных людей. Эти здоровенные лбы пришли на рассвете, загородив свет в окнах, и принялись стучать рукоятками мечей в дверь. Когда Ренард открыл, они холодно сообщили, что сопровождают его в Тауэр.

Путь лежал через Темзу. Ренард нервничал и все время переворачивал в руках кулон в виде миниатюрных песочных часов. Поняв, что воздух пропитался резким запахом нечистот, он осознал: они приближаются к северному берегу. Шлюпка быстро причалила. Спрыгнув со старого убогого судна, Ренард приземлением спугнул с веток стаю воронов. Натянув ослабевший ремень сапога потуже вокруг щиколотки, гость на мгновение замер, рассматривая необычайно красивый рассвет. Лучи солнца падали на королевский дворец Тауэр, в сторону которого улетели черные птицы.

Спустя минуту Ренард почувствовал на своем плече дурно пахнущую руку воина, и в нем вновь проснулся рвотный позыв. Будучи человеком интеллигентным, мужчина в лучших традициях промолчал и пошел дальше. Преодолевая по-

тайные ходы, бледнеющий гость знал, что тот дылда, благоденствующий собственным ароматом, идет позади. Ренард отчетливо слышал отдаленные крики. Ему стало не по себе вдвойне: сегодня ты можешь трапезничать с королем, а на следующий день — завтракать с помойными крысами в темницах Тауэра, где тебя будут пытаться этими же вонючими руками.

Солдаты, предварительно обыскавшие Ренарда (что уже было для него мукой), оставили его в королевском зале. По мнению ожидающего, до прихода Генриха оставалось недолго.

— Но какая же от него вонь. — возмутился гость, направляясь к зеркалу. — Это невыносимо. — продолжал Ренард, отряхивая плечи и поправляя верхнюю одежду.

Его ливрея была изящного темно-зеленого цвета с рубиновыми пуговицами. Была — потому что на левом плече красовался масляный отпечаток ладони, а верхняя пуговица и вовсе была оторвана. Ренард схватился за светловолосую голову и вопрошал небеса, за что ему ниспослана такая мука. Он лихорадочно думал, как бы убрать это пятно. Взглянув в зеркало, он увидел покрасневшие от злости глазные яблоки. Напряжение было так велико, что кристально-голубые глаза отошли на второй план. Он не спал всю ночь, чтобы быть безупречным перед его величеством. Перед отъездом его тонкокожие сапоги сияли чистотой, а сейчас...

— Это провал. — чуть ли не рыдая, продолжал он. — Ве-

дут через скопище грязи, словно заключенного.

— Ах, какой современный наряд! — прогремел сзади голос.

Ренард вздрогнул, но не был удивлен. С приоткрытой дверью поток ветра донес легкий запах винограда с пряностями. Обернувшись, гость учтиво поклонился, с тоской разглядывая грязь на своих сапогах.

— Ангел мой, приносящий вести. Упустим поклоны, лучше обнимемся.

Ренард всегда стеснялся объятий короля, но не мог сопротивляться. Его объятия пахли лесом и приятными древесными нотами. Вероятно, правитель только что вернулся с прогулки или охоты.

Генрих увидел грязный отпечаток на плече подданного и слегка поморщился. Король не смог сдержать смеха, отчего глаза заслезились и зачесался нос. Сделав движение пальцем, Генрих дал понять, что сейчас чихнет. Чихнув, «ангел» предложил ему чистый платок, на что король помотал головой и достал собственный.

— Гаврик мой, Гавриил, — продолжил раскрасневшийся правитель, заботливо складывая тряпку пополам. — Пустяковое пятно, — заключил он и принялся чистить платком плечо гостя.

Ренарду не нравилось его прозвище, и он на секунду отстранился от сопливого платка, но сразу же остановился, поняв, что его верхнюю одежду уже не спасти. Возникла нелов-

кая пауза, и Гаврик наблюдал, как его величество размазывает соплю по его плечу. Задержав дыхание, гость понял, что перестал волноваться и сердцебиение выровнялось.

Король предложил ему сесть. Генрих не был бы собой, если бы не предложил одеяние с собственного плеча взамен испорченного. Ренард обрадовался такой чести, но смутился, ибо почувствовал: Генрих уже не тот, кем был раньше. Его густые черные волосы поредели. Здоровый цвет лица приобрел желчный оттенок, проступили морщины. Мешки под глазами говорили о бессонных ночах, а фигура потеряла былую мощь. Однако держался он так же благородно. Кисть оставалась твердой, а осанка — прямой. Взгляд властителя многих королевств был задумчивым, но сообразительность и живость ума не покидали его. Несмотря на явную худобу, правитель по-прежнему оставался красив, но был измучен.

Король подошел к камину и, взяв толстый железный прут, принялся ворошить угли. Пахнуло дымом, и Генрих принялся вспоминать, как Гаврику, обладателю «альбиносового носа», часто угрожали. Воинственные монахи мечтали подпалить Гавриилу перья за серебристые волосы и бледную кожу.

Ренард с улыбкой напомнил, что на него до сих пор косо смотрят, но стоит им увидеть кинжал с королевским гербом, как их прыть сходит на нет.

— Гаврик, напомни, что я ответил монахам, которые испытывали меня такими речами?

— «Разве Бог, создав белую птицу, не может сотворить

белого, как снег, человека?» — процитировал Ренард.

— Верно, — подтвердил король, вспоминая о своем старом кинжале, дарованном Ренарду. — И пора платить по счетам, — резко заключил Генрих, беря со стола пергаменты и бросая их в руки Гавриила.

Глава 6. Миссия «Самаэля»

Выслушав рассуждения о военных действиях, а именно о планах осуществить очередную высадку в Нормандии, Генрих с опустевшим кубком в руке рассказывал, как важно обеспечить непрерывную цепочку поставок продовольствия, оружия и людей, что крайне необходимо для строительства кораблей и усиления защиты портов.

Ренард спросил, какова его роль, и вежливо намекнул, что пора переходить к делу. Правителя всегда восхищал острый ум Гавриила, который прекрасно осознавал, что королевское время утекает. Генрих вслух задавался вопросом: успеет ли он сделать все, что запланировал? Чья рука сможет править после него? Удастся ли удержать Францию? Труды и старания предков висят на волоске.

Ренард лишь приоткрыл рот, но не нашел нужных слов. Король достал платок и вытер пот со лба, приговаривая Гаврику, что на этот раз вести от него дурные. Вера в то, что все будет хорошо, давно надломлена, и реальность неистово стучится в дверь.

Гавриилу вдруг открылась вся картина, которую он не заметил сразу, заботясь о внешнем виде и о вещах ненужных. Ренард закрыл лицо руками и мысленно оценил состояние Генриха, издав горестный стон. Друг правителя искренне выразил надежду, что лихорадка пройдет и самочувствие бу-

дет лучше прежнего.

Генрих отреагировал иначе, чем предполагалось. Его умо- заключения были четко взвешены и обдуманы. Выносить себе приговор оказалось куда тяжелее, чем судить подданных. Со смирением король объявил, что его здоровье не улучшится и никакие сладкие речи этого не поправят. Кивнув на еле заметное пламя свечи, правитель заметил, что она скоро догорит, так же, как и он сам. Вспоминая дни минувшей славы, Генрих заострил внимание на том, что из Франции привезли не только трофеи, богатства и яркие победы, но и множество недугов.

Ренард был в смятении, будто в его сердце вогнали сотню ледяных игл. Нельзя привыкнуть спокойно переживать скорбные вести, а переживать неминуемую утрату — куда тяжелее. Генрих почувствовал переживания Гаврика и подумал, что это и есть любовь к ближнему. Одни видели в нем полководца, другие — помазанника Божьего, третьи проклинали за это, но друга в нем обнаруживал не каждый. Корона стала для него холодной и тяжелой. Благородный металл больше не приносил былого счастья, а прошлые подвиги уже не вызывали трепета. Льстивые рассказы о былой отваге не вызывали улыбок, а напротив, омрачали немощное сердце.

— Помните, как лихие лучники встречали французов без штанов, потому что их кишечник жил своей жизнью? Им хватило смелости послать эту болезнь на все четыре стороны и продолжать выпускать стрелы.

Ренарду вспомнились ужасные зловония войны, и жгучая тошнота подступила к горлу. Подумав о красивой реке, пойманной рыбе, котле и костре, дурнота сошла на нет. От Генриха не утаить такой реакции, и она заставила его улыбнуться. Правитель хорошо посмеялся, отвлекся на подогретое вино, затем угостил гостя.

Кислинка королевского напитка вернула речь гостю, который поинтересовался, в чем же состоит его задача. Генрих с надеждой пытался раздуть в себе костер жизни, и эти истории были маленькими веточками, которые быстро сгорали. Правитель известил Гаврика, что его родственник, герцог Кларенс, отправляется во Францию. Из Нормандии он двинется вглубь территорий мятежных французов, сожжет поля и посеет хаос.

Гавриил озадаченно посмотрел на карту. Генрих выждал несколько секунд и стукнул пальцем по бумаге. Перст указывал на центр провинции Анжу, где английские воины должны закрепиться. Ренард попытался парировать и задался вопросом, зачем же им нужен рывок на Анжу?

И вот король перешел к интересному. Тыча в карту, он упомянул мальчишку Рене, обладателя разных титулованных фамилий, который именует себя добрым.

— Этот мальчишка вполне может стать герцогом Анжуйским...

— Да хоть королем Иерусалимским, его будущее меня не волнует. — ударив по столу, прервал Генрих. — Мальчишка

играет в рыцаря, чтит кодекс и громко распространяет хвастовство многочисленными реликвиями из Святого города. Вдобавок ко всему, остатки воинствующих монахов обналичивают во Франции деньги и сбывают разные реликвии. В подвалах недостроенного замка спрятано золото и драгоценности. Среди них может оказаться вещь, которая должна мне помочь.

С этого момента Ренард стал слушать более внимательно, визуализируя слова короля. Генрих раскрыл донесения: группа монахов, остатки крестоносцев, проводят обряды. Слежка за ними привела в лес, к пещерам у ручья. Туда на носилках они несут одного или двоих тяжело раненых или больных людей. Спустя час эти «больные» возвращаются обратно на своих ногах — растерянными и здоровыми.

Чувствуя неловкость за неправдоподобность этой истории, Гаврик замотал головой. Генрих взъерошил белоснежные космы ангелочка и призвал не падать духом, ибо его люди донесли о реликвии, молва о которой расходилась из уст в уста по всей провинции.

Ренард выразил сомнение настолько, насколько это дозволялось при дворе. Мягко говоря, благодаря своему критическому мышлению, он поставил под сомнение полученную информацию. Генрих искренне верит, что его враги владеют Священным Граалем, лекарством от всех бед. Огласка данной лжи ни к чему хорошему не приведет.

Обладатель короны стукнул рукой по столу и пригрозил

Гавриилу пальцем, чтобы тот замолчал и слушал, потому что речь не про Грааль, а про чашу Лазаря. Генрих Ланкастер искренне верил донесениям и рассказал все собранные сведения о необходимом сосуде.

Ренард в свою очередь поклялся королевским кинжалом, который даровал ему жизнь, что прибегнет к любым средствам и использует все силы, чтобы найти для Генриха упомянутую чашу Лазаря.

— Разыщите человека по прозвищу Самаэль, — бросив на стол очередную стопку пергаментов, поручил король. — Всю нужную информацию найдете в этих записях, а что покажется важным и необходимым, перепишите себе в дневник.

Альбинос бегло ознакомился с секретными документами о Ричарде Чейзе по кличке Самаэль.

— Что он делает в Стокгольме?

Генрих, почувствовав тяжесть тела, опустился на просторное сиденье и рассказал, что присутствие Ричарда при дворе многих держало в сильном страхе и напряжении. Для разрядки обстановки было принято решение направить его в Стокгольм собирать сведения, нужные короне. Позже через наших агентов мне пришли дурные вести о любимой женщине Ричарда Чейза. Ее зовут Селия, и она находится в еще худшем положении, и меня посетила мысль, что у него не будет времени на размышления. Ему вновь придется оправдать свои навыки, прибегнуть к способностям, чтобы найти нужную нам реликвию.

— Кто его так прозвал? Что общего он имеет с ангелом смерти?

Генрих ответил с простотой ребенка, что все очевидно. Страх перед способностями Ричарда Чейза вызывал у свиты короля дикий ужас и ступор. При его виде советники старались молчать, а между собой упоминали его кличкой «Самаэль». У них поджилки тряслись, они даже наедине боялись шептать это королевскому уху и оставляли доносы, упоминая это прозвище.

— В записях сказано, что «Самаэль» обладает даром ясновидения? Громкое заявление и подарок для инквизиции.

— Мы в Англии. Инквизиция пойдет на все четыре стороны, в Испанию или сразу к Папе — на выбор.

Генрих, слегка щелкнув по белому носу альбиноса, напомнил, что старается не преследовать людей за их пристрастия и цвет кожи, но для церкви последователи Самаэля — просто подарок.

Король вспомнил битву при Азенкуре и спросил, где чаще всего приходилось высаживаться английскому солдату.

— В Кале, — покрасневшись, ответил Гаврик.

— Почему мы снова не пошли на этот шаг?

— Это был умный стратегический ход.

Генрих поднял палец вверх, за которым устремился взгляд собеседника. Сверкнув улыбкой, король пояснил, что мало кто знает, как тот «ход» родился. Совет привел ко мне члена «духовного ордена» — на первый взгляд, безумного

человека.

— Ричард Чейз тогда сразу же попросил стакан воды и уснул, причем сидя, — в возмущении вспоминал Генрих.

— Долго он спал?

— Для меня это длилось вечно. Прошло около часа...

— Что было дальше?

— Мышцы на лице спящего дергались, его бросало в жар, а волосы прилипли ко лбу. Соратник в дырявом плаще подошел к нему и начал его будить. Дальше Ричард Чейз проснулся и выпил всю воду из графина, а воду из стакана плеснул в камин. Мое терпение было на исходе, — потирая лоб платком, продолжал король. — Самаэль бросился к столу и нашел карту. Сновидец доказывал, что в Кале нас ждет войско неприятеля.

— Оно и правда там было, — подтвердил Ренард. — Но вы не думали, что у Ричарда просто есть осведомители в этих землях?

Генрих закивал и принялся рассказывать дальше: он предложил Чейзу привычный им полуостров Котантен, на что тот сразу замотал головой, будто видел исход этой высадки, и указал пальцем на единственное правильное место...

— Нормандию...

— Англичане не встретили сильного сопротивления, и местный гарнизон сложил оружие. Дальше мне наскучило слушать советников, которые бредили сновидениями Самаэля.

Генрих, нервничая, продолжил, что своим указом направил армию напрямик в Кале. Этот переход стоил тысячи людей, множества обозов и провизии. Все твердили об ошибке, что нужен совет Самаэля. Честное слово, мысль о его сожжении все чаще приходила в голову, но лица умирающих солдат стали сниться по ночам, и я, король, снова прислушался к Ричарду Чейзу. Всем трудно признавать ошибки, но правителю это еще сложнее. Мне изложили предстоящий план битвы на бумаге, потому что видеться с Чейзом не было ни сил, ни желания. Советники постоянно шептались и тряслись, и их тревога перенеслась на меня. Самаэль стал доставать и мучать меня во снах, демонстрируя последствия моих решений.

Генрих медленно, едва заметно трясущимися руками, протянул Ренарду бумаги с рисунками. На одном было изображено поле и две армии, окруженные лесом. Три линии обороны английских войск на возвышенности, а вдали — превосходящее численностью войско французов. Ренард повернул голову и взгляделся в поле, которое было испещрено множеством надписей: «дождь».

Генрих понял, что альбинос разгадал загадку, и сказал вслух, что нужно было обязательно дожидаться дождя и вытягивать французов на брошенные повозки и копья. После того как brave французские рыцари ринутся в атаку, следовало дать залп из пушек и усыпать небо тучей стрел.

— Знаменательное для нас 25 октября 1415 года. Мы смя-

ли всю их хваленую кавалерию, будучи в меньшинстве. В их рядах поселился хаос, они падали друг на друга, застревали в грязи. Именно в этот день пришло понимание, что Ричард Чейз — гений. Признавать его заслуги было преждевременно, но результат есть результат, и мне не важно, как он достигнут.

Играя в шахматы и продолжая разгоряченную беседу, правитель расплескал кислое вино на доску. Взяв в руки короля белых из слоновой кости, Генрих вложил его в руку друга. Ренард почувствовал холод дрожащих рук и понял, что Генрих Ланкастер боится умереть, но его покорный слуга сделает все, чтобы помочь королю выиграть в игре со смертью.

Глава 7. Гюго и Вигмар

Подплывая ближе к судну, Ричард оглядывал корабль — крепкий, но помятый временем и волнами. Оставалось несколько метров, как в нос резко ударил зловонный запах нечистот. Видимо, матросы сверху выливали ведра с дерьмом прямо навстречу гостям. Последняя заросшая волосами физиономия быстро скрылась, но запомнилась Чейзу. У корабля была только одна мачта, что не сулило удачи в открытом море. Прямоугольный парус с гербом Ланкастеров развевался на ветру. По бортам посудыны были прикреплены щиты с изображениями крестов и разных благородных животных.

Ступив на палубу, Ричард почувствовал, как нога скользит по мокрому дереву — пальцы тщетно пытались ухватиться за что-то, но гладкая поверхность не давала опоры. Запах мочи и соли заполнил ноздри, смешиваясь с кислым ароматом гниющей рыбы. Он поскользнулся и тяжело рухнул, глухой стук тела о палубу отозвался болью в локте и колене. Он почувствовал, как у ключицы надорвалось его любимое черное коттарди. Ренард услышал падение приятеля и треск ниток. Кажется, одна из множества серебряных пуговиц оторвалась и покатилась по палубе. Матросы, наблюдавшие эту сцену, дружно засмеялись и театрально схватились за животы.

На беглый взгляд, на палубе их было около тридцати человек. Большинство одеты в старомодные и узкие биио с короткими рукавами. Часовые на постах были снаряжены в кольчуги, поверх которых надето сюрко. Весь их вид был суров, одежда вышла из моды и, вероятно, досталась им от предков.

— Наемники, — шепнул Ренард, помогая Ричарду встать.

Ричард остроумно заметил, что от слабых попов крестовых походов ждать не стоит, им бы у себя в Риме разбойников усмирить. Ренард согласился и добавил, что новый папа Мартин этим и занимается.

Вдруг из толпы крикнула та самая рожа, что выглядывала из-за борта: мол, у них на судне свои папы. Удивительно, но оратора окутывал дым, хотя поблизости ничего не горело. Еще интереснее Ричарду показались глаза крикуна, подведенные на египетский манер.

— Гюго, прекрати. — взяв под локоть соратника и пряча зловонное ведро, вмешался другой матрос.

— Да любой из наших «крестов» отправит вас обоих кормить рыб. — не унимался Гюго.

Напарник местного фараона пытался уговорить друга. Ричард рекомендовал прислушаться к голосу разума, иначе, как подобает титулу фараона, заросли будут срезаны с лица наглеца без церемоний. Под смех соратников Гюго оскалился и разорвал свое биио, оголив жилистый торс.

От кистей до шеи на его коже были вытатуированы разные рисунки. Большинство напоминало египетские иероглифы и

изображения древних богов. Татуировки не были клеймом и вызывали неподдельный интерес. Толпа засвистела и загудела в ожидании зрелища; многие достали кислое пиво и червивый хлеб. Напарник фараона принялся точить кинжал. Бледнеющий от качки Ренард вышел успокаивать толпу.

Обернувшись к команде, египтянин спрашивал, что это за птица вышла защищать сира «рванные штаны». Был слышен хохот и разные предположения. Гюго обтирал руки содержимым ведра и озвучил прозвище, которое больше всего ему понравилось.

— Спрятался за белого голубя? — скинув одежду, орал шутник.

Ричарду захотелось проучить этого навозного жука, и он тоже принялся раздеваться до пояса.

— Какие правила? — громко спросил Самаэль.

Гюго вышел вперед, показав грязные руки, и заявил, что будет кулачный бой до потери сознания. После чего фараон стукнул себя в грудь и тут же возмутился, что испачкался. Матрос подозвал помощника, чтобы тот обмыл грудь, на которой красовалось солнце с соколиной головой.

Ричард задумался: стоит согласиться на кулаки, иначе этот скарабей и клинки испражнениями измажет — тогда беды не миновать. Самаэль о технике кулачного боя знал мало, но все же откинул оружие и дал согласие.

Снежок, который почти успокоил гудящую толпу именем короля Генриха Ланкастера, помотал головой в знак

несогласия. Под наблюдением фараона сир «Рваные Штаны» подошел к секунданту и продолжительно с ним беседовал. Ричард объяснял Ренарду, что такого отношения прощать нельзя и вдобавок это хорошая возможность выпустить пар. Пока сосуд полон, другим его не заполнить. Гавриил отпирался до последнего, но умозаключение Самаэля о том, что невыпущенный гнев помешает в поисках чаши Лазаря, переубедило его. В этой драке действительно была необходимость для Ричарда и возможность для него завоевать уважение команды, без которого их путешествие станет значительно опаснее.

Ренард пообещал напарнику, что в случае неудачного исхода настанет его очередь драться. Похлопав Ричарда по плечу, секундант убрал лишние вещи и оружие, а после отошел и сел на первую свободную бочку.

Образовался круг из людей, в центре которого оказались двое драчунов. Зрительский гул и топот по влажному дереву отбивали ритм их сердец. Вены на висках бойцов пульсировали, а учащенное дыхание выдавало волнение. Все ждали начала, и толпа засвистела.

Скарабей принялся вращаться с востока на запад и, недолго думая, первым пошел на сближение. Его рывок не принес результата из-за скользкого пола. Фараон поскользнулся и врезался в толпу, а она вытолкнула его прямо на Ричарда. Гюго, словно дворовая собака, с оскалом накинулся на оппонента и нанес первый удар — хороший прямой передней

левой рукой.

Оппонент, почувствовав жуткий запах, шмыгнул носом и, нырнув под ту же руку, ответил правой по ребрам. Неприятель инстинктивно закрыл бока локтями, и Ричард размашисто выбросил боковой в голову. Пропустив болезненный удар в висок, египтянин попятился назад.

Ричард, ощутив жажду преследования, включил инстинкт охотника и, видя слабость жертвы, начал теснить противника. Гюго закрылся, но соперник потянул его локоть к себе и со всей силы повторил удар по ребрам. Татуированные рисунки язычника были хорошими мишенями, и Ричард легко достигал цели.

Все шло хорошо, пока Гюго не посоветовали из толпы использовать ноги. Люди поддерживали фараона, и он дал им желаемое, ударив правой ногой. Уже падая, англичанин осознал, что держать вес тела на передней ноге было ошибкой. Ричард потерял равновесие, и этот навозный жук воспользовался моментом. Под взорвавшийся рев толпы Гюго наносил удары локтями по противнику, пока тот пытался встать.

Ричард слышал собственное тяжелое дыхание, которое вырывается из груди со свистом. Во рту появился привкус крови. Пелена пота заливала глаза, смешиваясь с кровью из разбитой брови, и мир вокруг плыл в багровом тумане. Толпа ревела, но этот рев доносился будто сквозь толщу воды.

Толпа поддерживала фараона, и Гюго действительно мнил себя им. Он даже решил сломать противника ментально, рас-

сказывая, что всегда побеждал в бойцовских ямах и что в нем ярость «Сета». Ричард отбивался как лев, но получал трепку как драная собака, пока не услышал хруст чужой кости. Фараон поморщился, и Ричард это заметил, продолжая отражать удары.

Чейзу удалось встать, и, умело парируя захваты, он схватил кисти противника и сжал их так, что под пальцами он почувствовал, как пульсирует жилка на запястье. Татуированный скарабей на шее египтянина будто ожил в свете факелов, задержался в такт судорожным глоткам воздуха. Услышав звонкий хлопок в левой руке Гюго, Ричард резко подсек ему ногу и рухнул на него сверху. После этого англичанин начал давить локтем на разукрашенную шею, где был изображен священный для египтян скарабей, катящий солнце.

Свидетели зрелища загудели и принялись отсчитывать монеты разного достоинства. Также в расчет пошли хлеб, редкий табак и выпивка. Большинство «крестов» расставались с золотом, серебром и медью неохотно. Их ставка на фараона не оправдалась. Многие тут же окрестили его навозным жуком и грозились растоптать ему голову, ибо лишились последних сбережений. Ранее дружелюбная аудитория захлебывалась угрозами, требуя, чтобы тот встал. Но также слышался и разумный довод остановить бой. Друг бойца Вигмар призывал Гюго сдаться.

Охотник не выпускал добычи, пока его противник не обмяк и сознание не покинуло горячую голову. Ричард откинул

потное тело и направился к напарнику поверженного. Отступать было некуда, и мужчина шагнул навстречу, назвавшись Вигмаром из Афин. Заточенный кинжал в руках грека трясся. Ричард оценил ситуацию и, подняв одну руку вверх, другой выбил лезвие, которое воткнулось в палубу.

Ричард крепко ухватил грека за локоть и настоятельно приказал начисто остричь этому скарабею все волосы с лица и головы, пока тот в отключке, иначе он сам этим займется. Получив положительный ответ, победитель отпустил Вигмара Афинского.

Ренард подошел к дежурным и, кинув им пару серебряных монет, приказал разогнать всех по местам, ибо представление окончено и больше не повторится.

Самаэль подобрал одежду и направился в каюту, где по распоряжению Ренарда его уже ожидала нагретая углем ванна с ужином, пучок сухих трав и каменная трубка поверженного фараона. Триумфатор скинул одежду и, стараясь не расплескать ни капли, окунулся в соленую воду. Горячая вода приятно обожгла кожу, смывая пот, кровь и чужую грязь. Боль в ушибленных местах пульсировала в такт сердцу, но в этом была странная, почти приятная истома. Мысли о схватке не покидали пульсирующую голову. На словах проигравший был величественным сфинксом, но на деле — всего лишь жук навозный, — подумал отдыхающий. Ричард, выровняв дыхание, разжег трубку и наслаждался законной добычей.

Глава 8. Правила общего сна

Раздался стук в дверь, вслед за которым вошел шатающийся от качки Ренард Шеро. Дым от длинной трубки заполнил каюту. Снежок закашлялся и замахал руками, пытаясь разглядеть Ричарда. Осмотревшись, он споткнулся о ванну и, разозлившись, оттащил ее к двери и опрокинул содержимое. Свистнув часовому, Ренард велел найти Вигмара, чтобы тот снова наполнил ванну водой.

Дым почти рассеялся, и на полу отчетливо виднелась фигура соратника. Самаэль сидел в очерченном мелом круге. Что еще страннее, напротив него стояло мутное зеркало. Свет одинокой свечи дробился в его мутной поверхности, создавая иллюзию, что в глубине стекла кто-то шевелится.

Ренард снимал верхнюю одежду и испугался собственного отражения. Он был уставшим и помятым долгой дорогой. Грязное тело нуждалось в воде и бруске восточного мыла. Полезно быть другом элиты: короля пытаются умиловить разными дарами, которые перепадает и его окружению. Забавно, что фанатичный совет священнослужителей при правителе считал восточные дары ядом. Желая бледному Гаврику смерти, они рекомендовали проверить мыло на нем — вдруг растает? Ренард сомневался, но был готов пожертвовать собой. Смелость подданного понравилась Генриху, и тот выполнил просьбу слуг Божьих. С тех пор тонкий запах лай-

ма сопровождал Ренарда.

Пока сир вспоминал о былом, Вигмар втащил в каюту ванну, заменил под ней угли и наполнил ее морской водой. Англичанин поблагодарил за оперативность и бросил учтивому греку обгрызенную золотую монету, после чего закрыл дверь. Серебристая копна волос требовала ухода, поэтому мылилась она в первую очередь. Пена с головы стекала на остальную белобрысую растительность на теле. Ренард берег этот дар словно первый огонь.

Умывшись, одевшись и осмотрев каюту, Ренард заметил, что Ричард не доел ужин. Тот состоял из пшеничного хлеба, похлебки с овощами. На второе была рыба, кажется лосось, и, конечно же, кувшин вина, стоявший под правую руку.

Неподвижность Самаэля начала злить. Ренард по-хозяйски доел ужин, пытаясь задеть чувства сновидца. Наигранные чавканье, специальное рыгание и прочие шумы не возымели эффекта. Взяв тонкую каменную трубку длиной в локоть, Ренард обнаружил, что Самаэль ею уже воспользовался.

Англичанин открыл дверь и вздрогнул: за ней стоял Вигмар, предвосхитивший нужду в услугах. Грек, уже заработавший золото и серебро на выносе ванны, объяснил, как раскурить трофей от факела. Пока трава в трубке тлела, Ренард узнал от Вигмара, что эту вещь Гюго отнял у краснокожего наемника.

После ухода грека, наслаждаясь клубами дыма, Ренард

разоткровенничался и произнес монолог, в котором одобрял лучшие качества Ричарда. После хвалыбы последовало наставление: лучше достигать цели, избегая конфликтов и насилия. Разумеется, сновидец не отвечал, и Ренард лениво лег в подвесной гамак у стенки, компенсировавший жуткую качку.

Его рассуждения коснулись и тела «фараона», его любопытных рисунков, не похожих на клеймо. Ренард припомнил, что ему доводилось изучать культуру Древнего Египта. Он с уверенностью опознал на груди солнце с головой бога Ра, на ключицах — глаза Гора, а у горла — священного жука-скарабея, катящего еще одно солнце. На локтях были изображены анхи — кресты, увенчанные сверху кольцами. Ренард упрямо вспоминал все детали и перерисовывал символы в дневник. Ему захотелось расспросить «фараона», с какой целью нанесены рисунки, и египтянин ли он вообще...

Гавриил в унынии разговаривал сам с собой, что постепенно выводило его из себя. Он с тоской выражал надежду, что они доберутся до земель германских народов и видение о чаше Лазаря посетит наконец чью-то молчаливую голову...

— Разве в этих землях мы должны ее найти? — повернув лицо, на котором красовались мелкие ссадины и гематома под глазом, спросил сновидец.

Ренард малодушно вздрогнул, но, не подав виду, взял себя в руки и поинтересовался, зачем понадобилось рисовать круг.

Ричард поспешил надеть рубаху, желая скрыть синяки, множество которых были по всей длине рук. Чейз внутренне подавил раздражение и заранее решил смириться с ожидающими его нудными расспросами. Глубоко вздохнув, он присел и начал длительный рассказ.

Сновидец поведал, что круг — это его безопасная зона, и на данном этапе ему так спокойнее. Ренард жаждал подробностей и не отставал. Самаэль терпеливо объяснял, что круг нужен для подстраховки, чтобы в реальность вернулся он, а не какая-нибудь другая сущность, блуждающая душа.

Ренард многозначительно зевнул и захотел спать. Вырвав у слушателя трубку, рассказчик цокнул языком и продолжил: не все души находят покой. Порой потусторонние сущности ждут возможности вселиться в чужое тело и делают это непрерывно, всегда на стороже, чтобы использовать шанс в момент слабости и падения духа.

Гаврик допускал, что Самаэль специально нагоняет страху и прикрылся овечьей шкурой, собираясь спрятаться от жутких ощущений, как с губ сорвался очередной вопрос. Ренарда интересовало, есть ли вероятность, что в спящем состоянии человек более уязвим.

Ричард разжег трубку и упомянул о нескольких уровнях сна. Он предложил представить, что сновидение — это игра по правилам, которые человек устанавливает сам. Слушатель приободрился: выходит, по ту сторону реальности можно делать все, что душе угодно? Самаэль отсек эти размыш-

ления и рассказал об оберегающих символах и разных уровнях погружения. Ричард заострил внимание на том, что чем дальше углубляешься, тем больше приходится играть по чужим правилам.

Мышцы на лице собеседника невольно задержались. Ренарду тут же стало интересно, что означают «символы» и «чужие правила». Страх сковал тело, а внутренности съежились, отчего на мгновение захотелось в нужник.

Ричард все понял без слов и предложил слушателю представить, будто тот выходит за границы своих безопасных владений. И как только он их покинет, сон подчиняется меньше, и страх овладевает всем нутром. Ричард достал из-под рубахи деревянное распятие. Поцеловав крест, он объяснил, что это его символ, явившийся ему в момент сильного страха.

Ренард выбрался из овечьей шкуры и достал хмельного пива с засохшим хлебом. Рассказчик настаивал, чтобы нервный обжора представил: он выходит на улицу, а там множество людей, которые существовали до него, живут сейчас и, что бывает реже, будут жить после.

На очевидный вопрос, можно ли общаться с чужими душами, Ричард ответил, что, по его мнению, для безопасности нужно сначала найти собственный символ. Только потом можно думать об общении. Необходимо быть готовым к тому, что враждебные души могут начать атаковать. Порочные сущности питаются гневом, страхом, разными страстями. При первых нападениях в общих снах приходилось

защищаться и уничтожать их. Рубить, колоть, жечь, топить, закапывать, душить. Ричард рассказывал, что усилием воли использовал любое известное ему оружие. С каждым новым погружением эти сущности становились агрессивнее. Они преследовали его, словно видели нарушителя, которого нужно устранить. Казалось бы, выхода нет, но в голову пришла мысль поступить по-взрослому. Самаэль с облегчением вспомнил, как принес враждебным душам извинения и перестал их трогать и они оставили его.

Когда Ричард говорил о враждебных сущностях, в каюте стало заметно холоднее. Ренард зябко поежился и натянул одеяло до подбородка. Ему показалось, что тени в углах комнаты сгустились и теперь внимательно слушают рассказ вместе с ним. Он отогнал эту мысль, но холодок вдоль позвоночника не проходил.

Ренард, разобравшись с сухарями и пивом, нервно перебирал костяшки на руках. Последовали моменты уточнений: как понять, что из сна вернулась не «чужая душа»? Ричард с усилием собрал волосы в хвост и с сожалением ответил, что об этом узнают окружающие. Близкие решат, что это одержимость демонами, бесами или просто сумасшествие.

Ренард, осмотрев помещение, посетовал на пустые кувшины из-под вина и выкуренный табак. Слушатель предложил не злоупотреблять вредными привычками, даже если это часть ритуала. Самаэль улыбнулся и парировал, что у каждого свои методы, и нет универсального ключа для по-

гружения в общий сон.

Гавриил недоверчиво скрестил руки и поинтересовался, как же научиться управлять сном, если ты их не видишь или редко помнишь. Ричард рассмеялся и воскликнул, что это правильный вопрос, и отметил, что нужно осознавать себя во сне. В течение дня постоянно спрашивать: «Сплю ли я?»

Ренард с твердой уверенностью настроился практиковать все советы; осталось только уснуть. Но, как это часто бывает, сна не было ни в одном глазу. На ум пришла очередная дилемма: что же сновидец видел по ту сторону реальности?

Ричард попросил несколько монет. Собеседник достал два кожаных мешочка — с полновесными золотыми монетами и серебряными пенни. Бросив Самаэлю мешочки, Гаврик отшутился, чтобы ничего не пропало. Сновидец вскочил, взял со стола деревянный кубок и принялся швырять монеты в емкость.

Такая небрежность возмутила Ренарда, и он кричал, что не позволяет так разбрасываться его деньгами, но, встретив укрощающий взгляд, стал молча наблюдать, куда приземляются монеты. Ричард сурово, будто смирившись с неизбежным, огласил: в его сновидении разрисованный павлин Гюго помогал им в поиске чаши Лазаря.

Глаза Ренарда заблестели, и он требовал подробностей, которых ждал недолго.

В том сне Самаэль падал на высокий лес с пышными хвойными кронами. Приземлением он напугал местных птиц и

на секунды прервал их пение. Ричард задумался, осмотрел руки, поднял ноги. Убедившись, что конечности слушаются, он обратил внимание на крохотного клеста на ветке. Птицы вернулись к своим занятиям. Дятел возобновил стук, клесты запели вновь. Красиво вокруг, природа во всем великолепии. Еще бегала белка, такая же любопытная. Кроха замерла, а потом принялась перепрыгивать с ветки на ветку.

Дальше Ричард нащупал под собой сломанные ветки, много мха. Потом его внимание привлекла тропинка, ведущая к пещерам, где поблизости протекал ручей. Ему захотелось воды, и тут послышались голоса, оживленно спорившие друг с другом. Басистый голос принадлежал Гюго, а более звонкий — Вигмару. В их руках было изделие из дерева. Чаша украшена резьбой, напоминающей легкую рябь на воде. В этих волнах скрыто множество рыб, которые словно пойманы в сети и тянутся к основанию сосуда.

Ричард почувствовал, как кровь ударила в виски, а волнение охватило все тело. Он был абсолютно уверен, что это та самая чаша, ради которой затеян весь поход. Моряки положили сосуд на каменную глыбу и старались забросить внутрь серебряные монеты.

На этом моменте Ренард вскочил, бросил делать заметки в дневник и кинулся собирать монеты. С нескрываемой радостью он обдумывал все сказанное. Не досчитавшись серебра, снежок укоризненно поглядел на транжиру и посетовал, что в полу много щелей.

Ричард уловил искры злости и заметил, что, потянув за нить с монетами, детали сна всплывают одна за другой. Сновидец добавил, что моряки, овладевшие чашей, смеялись и наполняли ее вином каждый раз, как в нее попадала монета.

Собеседники пришли к решению нанять Гюго и Вигмара. После чего Ричард отвернулся, проверяя крепеж и подготавливая гамак ко сну.

Ренарда всегда охватывал страх при мысли засыпать на морском судне; боязнь крушения пронизывала все его нутро, а пресловутая качка не давала уснуть. Его воодушевило то, что Ричард скрылся за самодельной шторой, за которой он опустился на колени, схватился за нательный крест и несколько минут молился. Гавриил подумал, что не только он боится смерти, но Самаэль думал не о себе. Его молитвы были о Селии, ради которой он отправился в поход. Ричард молил Господа дать любимой достаточно сил и времени дожидаться его возвращения.

Ренард попытался приободрить соратника, сказав, что не беда — бояться засыпать в море, но напросился на ответ.

— От беды не спрятаться, будь то суша или море, — Ричард уверил, что будет спать, даже если корабль пойдет ко дну.

Белый как снег Гаврик удивился, ведь качка мешала, шум волн раздражал, и концентрироваться было невозможно. Бледная кисть дополняла записи о чаше и сновидце, с которым становилось жутко находиться в одной комнате. Отмет-

ки о сновидениях напарника и методах «общего сна» пугали. Записав все важное, что говорил Ричард Чейз, он решил зарисовать его, изобразив ангелом смерти. Ренард взял перо и, поколебавшись, начал рисовать. Рука его дрожала от холода и страха. Он то и дело поглядывал на спящего Ричарда, словно боялся, что тот откроет глаза и увидит его работу. На пергаменте проступил образ: ангел с огромными крыльями, но вместо прекрасного лица — пустые глазницы, а в руке вместо меча — чаша. Ренард сам испугался того, что получилось. Он хотел сжечь пергамент, но передумал, подписал его прозвищем «Самаэль» и спрятал в дневник, подальше от чужих глаз.

Отложив перо, чернила и пергамент, Ренард отвернулся к прогнившей стенке и по-прежнему страшился сомкнуть глаза. Этот рассказ, будь он правдой или нет, подпитывал внутреннюю тревогу. Задумавшись о Генрихе, Гаврик успокоился и представил, как вручает королю чашу Лазаря, вернув бесценный долг за спасенную жизнь. На этой мысли мечтатель забылся сном.

Глава 9. Глаз Гора

Побитый «фараон» изнемогал от боли и не находил себе места. Каждое движение отдавалось в его теле болью, мышцы ныли, ссадины горели, а сломанные пальцы пульсировали тупой, неотвязной болью. Гюго раздраженно толкнул спящего Вигмара, ибо страдать в одиночку куда труднее.

Грек поднял голову и в первые секунды хотел отлупить нарушителя спокойствия, но, смирив яростную вспышку, возпросительно ждал объяснений. Египтянин дико возмущался, потянул руки вверх и ахнул от боли, словно в плечи впились тысячи игл. После этой жалкой сцены скрюченный Гюго попросил помочь снять со стены гарпун и кинжалы.

Вигмар не верил ушам. Грек принялся стыдить друга, объясняя, что, как ни крути, тот проиграл в честной схватке...

— Я дрался как лев! — возразил проигравший.

— Да, но тебя побили как собаку, — тут же парировал свидетель боя.

«Фараон» сжал кулаки и чуть не завыл от боли, на что грек попросил не скулить и дать ему поспать. Возмутитель спокойствия продолжал нарушать тишину и принялся рассказывать о сне, в котором он увидел спящего себя.

— Слушай сюда, — голос Гюго звучал глухо, с присвистом, каждое слово давалось ему с трудом. — Во сне, глаз

Гора с моей ключицы медленно сполз и принял округлую форму. Потом око покатилося по полу, и мне пришлось за ним следовать.

Грек закатил глаза, но египтянин продолжал, не обращая внимания на его скептицизм.

— Оно привело к каюте новоприбывших. На их двери яркими лучами светился крест — так сияло, что глаза заболели. Я зажмурился, а когда открыл их, дверь уже была распахнута.

Вигмар расвирепел; его жесты и слова были подобны грому и молнии. Грек разошелся не на шутку, обозвав приятеля впечатлительным и жалким навозным жуком, который извлялся в помоях.

Гюго погладил обритое лицо и с еще большим раздражением поднялся. Резко замахнувшись, он напугал Вигмара, но, к удивлению, последнего, стукнул себя в грудь, а греку велел помнить свое место, тщательнее подбирать слова и дослушать до конца.

«Фараон» принялся описывать, как прятал глаза от света, а дверь каюты сама открылась, словно его шаги уже слышали. Покуривая украденную трубку, человек представился Ричардом Чейзом. В большинстве снов управлять ситуацией не составляло труда, но этот Чейз внушал тревогу.

— Он поднял священный для меня Глаз Гора и, словно яблоко, водрузил мне на голову. Я хотел закричать, но не мог — голос пропал. Хотел двинуться, но тело не слушалось. А

он только палец к губам приложил.

Гюго говорил, и Вигмар невольно задержал дыхание, пойманный в сети этого странного, пугающего рассказа.

— Потом Чейз сотворил в руках дымовое облако — я носом учуял запах земли и свежих растений, будто мы не в каюте, а в лесу. Он растянул ладони, и между ними вспыхнула молния — ослепительно-белая, с треском, от которого волосы на загривке встали дыбом. Я думал, он разрушит мой тотем, но мы мгновенно переместились в нашу каюту.

— Чейз положил молнию рядом с тобой, — Гюго указал пальцем на Вигмара. — А меня толкнул в гамак, выдохнул в лицо ароматный дым от табака и исчез.

Грек зашагал взад-вперед по скрипящим доскам и с сарказмом возмутился, что великого фараона укротили даже во сне. Философ был недоволен, что его разбудили ради нелепой сказки, полного бреда сотрясенного мозга.

Египтянин сурово посмотрел на друга, велел замолчать, уважительно относиться к знамениям и проводить его к каюте англичан.

Вигмар заметно нервничал, сжимал и разжимал кулаки, будто в той каюте и впрямь могли оказаться молнии. Ладони его вспотели, сердце колотилось, но он старался не подавать виду. После недолгих раздумий он высказался, что не стоит бродить по кораблю после отбоя, иначе «кресты» их накажут.

Вдали заскрипели доски и зазвенели кольчуги. Грек пожа-

лел, что упомянул воинственных монахов. Гюго мигом залег в гамак, после сунул кружку с недопитым пивом и засохший хлеб под подушку.

— Кто шумит? — во весь голос прогремел часовой, направляя в их сторону пламя факела.

Это был злока Джо, весьма недовольный ночным поручением. Сэр Алекс, капитан корабля, приказал доставить к нему непутевую парочку — Гюго и Вигмара. Как и следовало ожидать, матросы, повинаясь приказу, зажгли смоляные факелы. Жар от пламени обжигал лица, а едкий дым щипал глаза, заставляя их слезиться. Пламя выхватывало из темноты их испуганные лица. Кровь ударила в виски; жилы на лбу пульсировали от лихорадочных догадок, в чем они провинились. Не выдержав напряжения, матросы переглянулись и почти хором спросили, зачем они понадобились капитану.

Джо сжал челюсти так, что на его худом лице напряглись все мускулы. Угрожающе приблизив факел, посланец процедил, что устанет перечислять все их грешки. Вигмар и Гюго поежились от жара и, переглянувшись, покорно последовали за суровым Джо.

Одежда факелоносца была черной, а на груди и спине нашиты белые кресты. Воинственный монах посмеивался над Гюго и сообщил, что теперь он больше похож на египтянина.

Преодолев лестницу, они поднялись на палубу и направились к капитанской рубке. Джо постучал жилистой рукой. От этих ударов зазвенела кольчуга и задрожала дверь. Это бы-

ла определенная комбинация стуков. После «музыкального» пароля дверь открылась, и Джо кивнул двум своим подопечным, чтобы их пустили.

Войдя внутрь, все увидели сэра Алекса, который сидел напряженный и скованный. Владелец корабля смотрел на них строгими светлыми глазами. Его тонкие губы подрагивали, а лицо пылало. Гюго подметил, что за время плавания тот изрядно похудел, но все равно оставался массивным.

Сэр Алекс не стал тянуть с очевидным вопросом и спросил, не догадываются ли его подчиненные, зачем он поднял их в такой поздний час. Гюго и Вигмар дружно закивали. Оба волновались и не знали, куда деть руки. В конце концов египтянин скрестил их на груди, а грек принялся теревить шнурок с золотой подвеской в виде молнии.

К удивлению обоих, сэр Алекс с гордостью объявил, что Англия нуждается в их услугах. Показав рукой в дальний угол каюты, капитан сообщил, что по настоятельной просьбе молодые лорды сами введут их в курс дела.

Гюго и Вигмар устремили взгляды туда, куда указывала рука сэра Алекса. За занавеской в креслах сидели два темных силуэта; лишь тлеющий огонек трубки слабо освещал их лица.

Оба мужчины поднялись и отодвинули полупрозрачную ткань. Гюго опустил голову, ибо узнал человека, унизившего его.

Сэр Алекс громко представил лордов: сэра Ричарда Чейза

и графа Ренарда Шеро.

Вигмар взглянул на Гюго и приложил немало усилий, чтобы сдержать подступающий смех. «Фараон» толкнул друга в плечо, потом развел подвязанные рваным полотном руки и с вызовом поинтересовался, зачем таким высокопоставленным особам понадобились простые работы.

Ренард Шеро бросил им под ноги туго набитый монетами мешочек. Мешочек упал с глухим, увесистым стуком, и Гюго тут же наклонился, чтобы осмотреть содержимое. Пальцы его жадно ощупали кожу, нащупывая сквозь нее круглые выпуклости монет.

Ричард Чейз подошел к матросам и вручил им свернутый в трубку пергамент. От него пахло чернилами и воском — запах официальных бумаг, который Вигмар хорошо знал.

Вигмар, родом из Греции, которая, к его сожалению, уже почти вся под пятой османов, но формально еще провинция Византийской империи. Грек был лучше знаком с латинским письмом и принялся читать, с каждым предложением он понимал, что перед ними договор о найме. Читатель вслух предположил, что лорды желают купить их услуги.

Ричард медленно захлопал и, пристально оглядев обоих, утвердительно кивнул. Ренард подтвердил, что Вигмар попал в яблочко и они нанимают их.

Вигмар нервно лепетал, что он лекарь, цирюльник и корабельный писец в одном лице, а Гюго помощник плотника и боцмана. Грек начал проглатывать слова, отчего речь его

становилась невнятной. Собравшись с мыслями, он четко отчеканил, что у них есть обязательства перед сэром Алексом, что они подписывали контракт при найме на корабль.

Ренард замотал головой и уверил, что все вопросы уже улажены, а потери будут восполнены в ближайшем порту.

Грек, выдержав паузу для изучения договора, продолжил набивать цену. Спустя минуту споров туго набитый серебром мешочек оказался в руках матросов, и было условлено, что второй они получают с золотом по окончании дела.

Обсудив все за и против, Вигмар долго уговаривал упрямого друга. Гюго с ненавистью смотрел на Ричарда, ему претила мысль, что этот человек будет им помыкать, но полученное серебро и обещанное золото в мешке весило куда больше его гордости. Так же загадки странного сна требовали ответов. В конце концов идея попрощаться с сухарями и скудным пайком склонила чашу весов к положительному ответу.

Они оба взяли перо и, не жалея чернил, расписались. Перо скрипело по пергаменту, оставляя корявые, но необратимые подписи. Грек не мог скрыть радости, но Гюго оставался внешне беспристрастен, пока Вигмар не начал исполнять элементы народных танцев.

Капитан дал команду охране вывести их наружу, и они уже на палубе оба затанцевали, не обращая внимания на сурового Джо. Плясуны не могли поверить такой удаче и шепотом отсылали сэра Алекса прямиком в его родные края.

Глава 10. Девушка на холсте

Дул восточный утренний ветер, и на небе не было ни облачка. Ричард встал рано, одевшись как можно теплее и укутавшись в плащ, вышел на палубу, которую драил недовольный Гюго. Чейз каждое утро начинал с бодрящего бокала вина и вглядывался вдаль, тщетно ожидая увидеть сушу.

— Дожили, — ухмыльнулся Гюго, не прекращая тереть шваброй мокрые доски.

Ричард заметил, что часть его ядовитых зубов была обмотана медной проволокой, а кисть по-прежнему перевязана. Ссадины на костяшках Гюго еще не зажили, и при каждом движении он морщился, но старательно делал вид, что боль его не беспокоит. Завязался натянутый диалог, от которого было мало проку. Чейз поинтересовался насчет больной руки, а Гюго солгал, что чувствует себя лучше.

Ричард попросил египтянина рассказать про нательные рисунки и что они для него значат. Гюго снова осклабился и отвечать не торопился. Он провел здоровой рукой по татуировке на груди, будто проверяя, на месте ли его боги. Сновидец знал, какие рычаги нажать, и упомянул Глаз Гора, который он вернул ему во сне.

Улыбка с лица «фараона» мгновенно исчезла, и по спине у него пробежали мурашки. Напряжение сковало тело; он почувствовал, как сердце забилося чаще. Кровь прилила к ли-

цу, залив щеки неровным, пятнистым румянцем. Гюго размышлял, как этот фокусник узнал про ночное видение.

Спрятав растерянность, «фараон» вслух предположил, что Ричард, «раб креста», успел поговорить с Вигмаром. Гюго разразился угрозами, что за такую вредную болтливость молния окажется у грека в заднем проходе.

Ричард усмехнулся и поправил, что он друг креста, а не раб. Он не собирался конфликтовать и вселять в собеседника еще больший страх. Вместо этого Чейз сказал, что рисунки не наделяют владельца мощью, но внутренняя сила в Гюго определенно есть.

Неожиданная похвала польстила «фараону», и у него возник интерес: что же достопочтенный лорд вкладывает в понятие внутренней силы?

Ричард верил сновидениям и прощал Гюго манеру общения — ведь египтянин уже часть плана и нужен в походе. Размышляя над вопросом, Ричард продолжил тешить его самолюбие, предположив, что в нем есть стержень, который еще никому не удавалось переломить. Излишняя осторожность и недоверчивость матроса сменилась легким уважением, и он поблагодарил собеседника за то, что его наконец-то воспринимают всерьез.

Ричард, облокотившись на ограждение палубы, произнес, что любой человек заслуживает того, чтобы его слышали. Соленый ветер трепал его волосы, и на миг он сам удивился своим словам — так легко они слетели с языка, хотя внутри

все еще клочкотала прежняя боль.

Гюго не отступал и продолжал забрасывать вопросами об их задачах и мотивах найма. На что получал ответ, что всему свое время и обо всем узнает позже. Ричард призвал подчиненного не волноваться и, сменив тему, порекомендовал обращаться к нему, если вдруг приснится странный сон, который потребует толкования.

К Гюго вернулся страх, и он вновь вспомнил про Глаз Гора. Заметив смятение матроса, Ричард тихим голосом продолжил, что трактовка снов — его увлечение.

Тут раздался громогласный голос сэра Алекса. Капитан любил проверять работу подчиненных и возмущался, почему палуба до сих пор не блестит как следует. Сэр Алекс, кивнув головой, поприветствовал Ричарда и уставился на Гюго.

Ричард, чувствуя ответственность, решил вступить и напомнил капитану, что Гадти Гюго теперь в его подчинении. Сэр Алекс незамедлительно ответил, что корабль под его началом и порядки должны соблюдаться. Он также настаивал, что при его командовании на судне будет чистота. Следовательно, «фараон» закончит драить палубу и поставит свою «метку» в журнале.

Оспаривать правила в чужом монастыре смысла не было, и Ричард согласился, что сэр Алекс абсолютно прав. Чейз понимал, что авторитет капитана нельзя подрывать на глазах у команды, иначе это аукнется позже.

Ветер немного стих, и хмурый Гадти Гюго удвоил уси-

лия, хоть и роптал, но продолжал наводить чистоту. Швабра скрипела по доскам в такт его негромкому ворчанию, и соленые брызги то и дело летели ему в лицо.

Выдраив палубу, «фараон» обратил внимание, что Ричард принес небольшой столик. На нем стояли глиняные стаканы и тарелки, в которых лежало несколько палочек. Египтянин подумал, что лорд наверняка проголодался, но далее аристократ достал деревяшку, обмотанную тканью.

Вновь раздался голос капитана, который приказал суровому Джо спуститься в трюм и принести бочонок вина. Джо в свою очередь подозвал Гюго и повторил приказ. Матрос утвердительно кивнул, не отрывая взгляда от Ричарда. Долго это продолжаться не могло — нужно было торопиться.

Возвращаясь обратно и кряхтя от боли в руке, Гадти увидел на холсте очертания леса и девушки. Боль на миг отступила, вытесненная удивлением. Первая мысль была именно такая. Подчиненный отправился в рубку сэра Алекса, где тот задержал его, как показалось, на целую вечность и отпустил с целым списком заданий.

Выслушав все наставления, Гюго вышел наружу и мотался по всему кораблю, передавая записки и приказы, тратя время на разговоры с командой, перекусы и игры в кости. Каждый раз, возвращаясь к своим обязанностям, он ловил себя на мысли, что снова и снова ищет глазами тот холст.

На обратном пути матрос увидел заходящее солнце и что художник заканчивает рисовать. Косые лучи заката золоти-

ли паруса и палубу, а в воздухе разливался густой, медовый свет.

Взор привлек холст с образом молодой девушки в осеннем лесу. Она была написана вполоборота и вытягивала руку, словно приглашая следовать за собой. Казалось, она вот-вот схватит тебя и увлечет вглубь полотна.

Гюго замер, забыв, куда шел и зачем. Время для него остановилось.

Девушка улыбалась — не кокетливо, а по-доброму, будто делилась радостной тайной. Ее карие глаза смотрели прямо на тебя, живые и полные доверия. Маленькие янтарные сережки ловили свет, они были теплые и солнечные, как и ее улыбка. Русые волосы растрепал легкий ветер, и они будто

замерли в движении, а с мягких губ словно готово было слететь теплое и нежное слово. Солнечная улыбка отражала все светлые чувства, застывшие в этом мгновении.

Ее босые ступни осторожно ступали по ковру из желтых и рыжих листьев, и кожей будто ощущался их хрупкий шелест. На ней были выбеленные ночная рубашка и накидка — удивительно нежный и домашний наряд, словно девушка вышла из уютной комнаты напрямиком в лесную сказку.

В блеске ее глаз читалось озорное намерение — как у ребенка, затеявшего шалость. Взгляд ее устремлен чуть дальше, в сторону еле видимого ручья, что лишь угадывался среди деревьев. И наконец приходило понимание: она зовет не просто пройти по лесу, а искупаться в той холодной осенней воде, пока золотая пора не склонилась под зимней стужей.

Гадти Гюго замер и перевел взгляд в глубину леса. Среди стволов и уже почти голых ветвей можно было разглядеть птиц и белок. Их присутствие делало природу настоящей, дышащей, а девушка была частью этого леса, и все его обитатели приняли ее.

Он почувствовал, как к горлу подступил странный ком. За всю свою жизнь Гюго видел много женщин, размалеванных, доступных. Но такой — никогда. Эта была не для утех. Эта была... другая.

Подсматривающий боялся прервать момент, запечатленный Ричардом. В материальном уме «фараона» промельк-

нула мысль включить эту картину в стоимость их найма, и переданный образ девушки на холсте не покидал Гюго еще долгое время.

Он стоял так долго, что солнечный луч успел сползти с паруса и погаснуть за горизонтом. А Гюго все смотрел на холст, и в груди его, там, где под татуировкой скарабея билось жестокое сердце, вдруг шевельнулось что-то давно забытое. Что-то, чему не было места в его жизни. Может быть, нежность, тоска или первое за многие годы смутное желание чего-то большего, чем драки, деньги и дешевое вино.

Глава 11. Вигмар Афинский

Грек незаметно от часовых пробрался в трюм. В нос ударил тяжелый, спертый запах сырости, гнилого дерева, прогорклого масла и чего-то тошнотворного. Пальцы нащупывали путь по скользким от плесени доскам. Продвигаясь на ощупь, он искал желаемое. Воображение рисовало разные ужасы, да и реальность предлагала паутину, гнилое дерево, склизкие и неприятные наслоения. Глаза постепенно привыкли к темноте, и пальцы продолжили искать выпивку для ужина.

Сделав дело, Вигмар двинулся обратно по скрипучим доскам. Каждый шаг отдавался громким, предательским скрипом, и греку казалось, что сейчас весь корабль проснется и сбежится на этот шум. Шмыгнув носом, воришка учуял дым потухшей свечи и прижал к телу присвоенный шероховатый бочонок. Сердце зачастило; казалось, его биение было слышно. Грек сжал в руке золотую подвеску так, что след от молнии остался на ладони.

Взяв страх под контроль, Вигмар в приказном тоне крикнул прячущимся в темноте людям зажечь свечу. Послышалась возня и шепот. Из непроглядной тьмы раздался тихий голос, умолявший Вигмара говорить тише, дабы не разбудить сурового Джо.

Грек поклялся Зевсом, что сейчас заорет, и Джо будет вы-

нужден выпороть всех кнутом.

— Нет! Мы поделимся, — ответил мужчина.

— Мы?

— Да. Рыжий Марк и краснокожий Нучото.

— А, дети Марса и Солнца. Вас ловили, трубку отбирали, а вы продолжаете...

При упоминании трубки Нучото зажег свечу и поднес огонь к лицу грека. Пламя выхватило из темноты лицо с широкими скулами, орлиным носом, глубоко посаженными черными глазами, в которых плескалась ярость. В глазах краснокожего читалась ненависть. Будто дикая кошка, Нучото быстро сократил дистанцию и оказался возле Вигмара. Грек сжал кулаки, готовясь выбивать перья из головы обидчика, но смугло-красные черты лица черноволосого воина смягчились. Нучото приблизился к самому уху Вигмара и шепотом посоветовал ему не умничать и уходить.

Марк поддержал друга, обвинив философа в тех же грехах и добавив, что не ему их учить.

Тем временем заскрипели доски, давая понять, что кто-то начал спускаться. Сердце Вигмара ушло в пятки. Вигмар тут же задул огонь у Нучото и оттеснил его к стене, где стоял Марк.

Следующим гостем оказался пьяный сэр Алекс, который, пошатываясь, направился прямо к бочкам. От него разило перегаром так сильно, что даже в темноте можно было определить, где он проходит. Капитан зачерпнул в кувшин вина

и, пару раз споткнувшись, удалился, так никого и не заметив.

Нучото выругался на родном наречии — его косы зацепились за доску. Пока краснокожий выбирался из ловушки, Вигмар крикнул рыжему Марку и велел им убираться отсюда как можно скорее.

Рыжий сделал шаг вперед и тут же осекся, услышав, как доски вновь заскрипели. На этот раз это был недовольный Гадти Гюго.

Грек тоже спрятался и дождался, когда Гюго подойдет ближе. Когда тот поравнялся с бочками, Вигмар бесшумно, как кошка, выскользнул из укрытия, прыгнул на друга и зажал ему рот липкой ладонью.

«Фараон» сильно испугался и укусил его за кисть, отчего нападавший не смог сдержать тихого смешка. Гюго потянулся за кинжалом и пообещал, что в следующий раз проверит, какого цвета кровь у греков.

Приняв доброжелательный вид, Вигмар поклялся, что такого больше не повторится, и спросил, что отвлекло Гадти от работы и привело в трюм.

Завязался диалог, в котором Гюго жаловался на сэра Алекса, который вошел во вкус и приказал принести горячительного.

— Пока исполняешь прихоти лорда Алекса, я принесу в наш угол эля.

Запрокинув голову и пробормотав несколько проклятий, Гюго обозвал капитана куском тухлой говядины. «Фараон»

рассуждал, что это «мясо» не может смириться с тем, что они стали работать на более крупную рыбу, и намеренно подкидывает лишней работы. От злости матрос постукивал по бочонку и вдруг вспомнил о картине Ричарда Чейза.

Необъяснимым образом ему стало спокойнее, и он стал настаивать, чтобы Вигмар поднялся на палубу и включил этот холст в сделку, который принесет им удачу.

Грек удивился и не хотел этого делать, но, сдавшись под напором угроз, отправился наверх исполнять прихоть «фараона».

Вигмар поднялся и, приоткрыв дверь, оценил обстановку. Холодный ночной воздух ударил в лицо, вытесняя спертый запах трюма. Половину команды тошнило от качки, а часовые отвернулись в другую сторону. Грек выскользнул наружу и медленно подошел к Ричарду Чейзу, который уже отнес стол и сворачивал в тряпки принадлежности.

Гюго последовал примеру друга и вышел, чтобы доставить вино капитану.

Под заходящим солнцем Вигмар остановился напротив картины и принял задумчивый вид. Закатный свет золотил холст, и девушка на нем казалась живой, будто сейчас шагнет из рамы прямо в этот вечер.

Выждав паузу, он похвалил работу художника и поинтересовался, где тот учился такому ремеслу.

Ричард предостерег поклонника от излишней лести, но все же рассказал, что был период, когда он жил в Риме и во-

влекал людей, которые могли пригодиться английской коро-
не. Там вербовщик и встретил мало известного в узких кру-
гах художника Иоганнеса, подмастерье Бертрама из Минде-
на.

Ричард многозначительно посмотрел на философа и по-
нял, что эти имена для него — как об стенку горох, толь-
ко создают лишние вопросы. Художник добавил, что мастер
Бертрам написал известную картину «Сотворение Евы».

Вигмар чувствовал себя неловко, не знал, куда деть руки,
и почесал грязную голову, с которой посыпались чешуйки
кожи. Смутившись еще больше, матрос отошел и зачем-то
встал на руки.

Толпа матросов, наблюдавшая за этим цирковым номе-
ром, замерла в недоумении.

Пройдя так несколько шагов, он окунул голову в ближай-
шее ведро. Каково же было его удивление, когда философ
понял, что это не вода, а помой из отхожего места.

Вонь ударила в нос с такой силой, что у Вигмара перехва-
тило дыхание. Кислая, сладковато-гнилостная жижа затекла
в уши, в глаза, в рот. Его вырвало прямо в ведро, а потом, не
помня себя от омерзения, рухнул на пол, закричал так, будто
был ранен, и с визгом вскочил, чтобы прыгнуть за борт.

Всплыв, он принялся смывать гнусную жижу с головы. Ра-
зумеется, все слышали визг и гоготали, надрывая животы.
Больше всех не унимались рыжий Марк и краснокожий Ну-
чото, которые вышли из трюма и стали свидетелями прыжка.

Они бы наверняка умерли от смеха, если бы знали истинную причину.

Ричард, одновременно чувствуя смятение и ответственность за подчиненного, тут же стер с лица улыбку и бросил за борт веревку. Она хлестнула по воде, и Вигмар, судорожно за нее ухватившись, повис на ней, как рыба на крючке. Схватив спасательный канат, грек вскарабкался обратно.

Вигмар с яростью опорожнил ведро за борт, затем подошел к спасителю и умоляющим взглядом призвал его к молчанию. В его глазах, красных от соленой воды и унижения, плескалась такая отчаянная мольба, что Ричард только кивнул.

Скоро последние смешки затихли, и все принялись за свои дела. Ричарда вскоре осенило, что, несмотря на всю абсурдность ситуации, философ выбрал опасный, но верный путь — смыть с себя позор раньше, чем его увидит команда.

Вигмар, пахнувший отвратительно, сделал над собой усилие, глубоко вздохнул и вернулся к обсуждению картины. От него разило так, что Ричард невольно отшатнулся, но грек, казалось, не замечал этого.

Грека не смутило, что на холсте изображена возлюбленная Ричарда, человек, близкий его сердцу. Грек проявил настойчивый интерес и стал упрашивать включить этот холст в сделку. Чейз колебался, но в итоге взвешивал все «за» и «против».

Ричард согласился отдать работу при условии, что будет

найдена вещь, которую они ищут. Художник объяснил свое решение тем, что человек — такое существо, которое не ценит то, что досталось даром.

Вигмар согласился и при соблюдении условий заручился обещанием получить подпись мастера. Ричард кивал и уже отдавал приказ поместить холст с остальным багажом.

Грек поспешил ретироваться сообщить обо всем Гюго. Удивляясь ухищрениям этой парочки, Ричард покачал головой.

Посмотрев на переданный им образ Селесты, влюбленный, словно она была перед ним живой, трепетно накрыл ее тканью, как укрывают спящего ребенка. Он провел пальцами по грубой ткани и поместил картину в наспех сделанную раму и в мечтаниях провожал уходящее в закат солнце.

Глава 12. Трубка Нучото

Дни сменялись неделями, и аристократам-новобранцам катастрофически не хватало личного пространства. Куда бы они ни пошли, повсюду их подстерегал обман: матросы пытались продать ненужную утварь, обвесить в еде и питье. Пищу они принимали с подозрением. Большая часть лукавой команды располагалась на нижней палубе. По нужде ходили в галюн, который находился в носовой и кормовой части корабля. Первый был для всех, а второй предназначался офицерскому составу.

В одно утро Ричард слышал крики и вместе с Ренардом вышел из каюты. За бортом оказался человек, которого не смогли спасти. Этого беднягу смыла волна. Матросы столпились у борта, глядя в воду, но там уже никого не было — только серая, равнодушная пучина. Именно опасность быть смытым за борт заставляла моряков справлять нужду где попало.

Сэр Алекс по многу раз на дню собирал всю команду. Капитан кричал и клялся найти виновных в размножении нечистот, вони и грязи. Однажды неизвестным образом под дверью лорда Алекса оказались помои. Его чуткое обоняние почти моментально учуяло неладное. Самое страшное было то, что капитан вышел с оружием в руках и поскользнулся. Сир не поранил себя, но вся его одежда оказалась измазана зло-

вонной массой. Запах стоял такой, что даже бывалые моряки, привыкшие ко всему, отворачивались и зажимали носы. Подкупленная охрана, которая в этот момент отсутствовала на посту, была наказана и лишена трети жалования. Многие жаждали увидеть сушу и убраться как можно дальше от этого судна.

Ричард укутывал лицо, словно был в пустыне, и в очередной раз выходил на палубу рисовать. Перед тем как начать, он подносил кисть к переносице, определяя линию горизонта. Соленый ветер трепал волосы, охлаждал щеки, но Ричард не замечал его, полностью погруженный в работу.

На первый взгляд художник передавал небо, затянутое серой облачной пеленой, и безбрежный океан, не идиллический, а суровый, бескрайний, чьи волны беспрерывно двигались. Небо и вода почти сливались в единую массу, прошитую белесыми прожилками пены и низких облаков. Это полотно пронизывало одиночеством и долгим, утомительным плаванием.

Сквозь завесу туч осторожно просачивались два узких золотистых луча. Они отражались от воды в пространство между небом и горизонтом, образуя едва уловимый треугольник света. Если отойти еще на пару шагов и расфокусировать взгляд, перестав искать пейзаж, то эти два луча собираются в призрачный профиль. Свет становится линией челюсти и изгибом шеи. Тьма между ними — углубления глаз. А разорванные клочья облаков и волн вдруг складываются в лег-

кие, разметанные ветром пряди волос. Женский лик возникает не как портрет, а как мираж, проступивший сквозь хаос стихии. Спустя время приходит озарение, что пейзаж и есть лицо. Возможно, если бы ветер переменялся, профиль тут же рассыпался бы, оставив только сумрачное небо и вечный ропот волн.

Теплый воздух подул вверх. Ричард почувствовал, как начало моросить, и накрыл полотно тканью. Анализируя ситуацию и возможную бурю, Чейз достал длинную трубку и мешочек с сухими травами. Обернувшись, его взгляд начал искать любой зажженный факел, но глаза наткнулись на грозные черные глаза и краснокожее лицо.

Нучото стоял в двух шагах, и Ричард понял, что индеец

наблюдает за ним уже давно. В его позе чувствовалось напряжение хищника, готового к прыжку. Ноздри его орлиного носа слегка раздувались. Короткие ресницы часто-часто захлопали, пытаясь скрыть слезы злости. Долго зрительный контакт продолжаться не мог. Матрос резко развернулся, и из его волос вороньего цвета, заплетенных в косы, выпало перо.

Ричард сделал движение, чтобы вернуть потерянную вещь. Орлиное перо — длинное, с темным кончиком — упало на палубу и лежало там, трепеща на ветру. Краснокожий остановился у горящего факела. Ричард поднял перо и направился к матросу, который пристально за ним наблюдал.

Оба представились, и Нучото холодно выразил благодарность за поднятое перо. Голос его звучал низко, с хрипотцой.

Ричард снова достал трубку, и черные глаза собеседника блеснули. Чейз высказал предположение, что эта вещь раньше принадлежала Нучото, и тот кивнул. Художник с сожалением помотал головой и, поджигая утрамбованные травы, заметил, что этот трофей достался ему в бою.

Краснокожий с явным раздражением согласился и поделился историей, как коварный Гадти Гюго хитростью и шантажом забрал священную трубку его племени.

Нучото рассказал о себе, что он живой призрак, сирота двух миров, чьи предки потеряли все из-за жадности белых людей: родину, свободу, семью и язык. Каждое слово давалось ему с трудом, будто он вытаскивал их из глубины души.

Его поведение, перетекающее в ярость, объясняет, что эта трубка — все, что осталось у него от отца, вождя народа, чье-го имени белые люди даже не запомнили. Его, мелкого мальчишку, привезли на корабле с кожаным парусом, пахнущем чужой смолой. Он — диковинка, потом раб, который сбежал и становился любым подмастерьем, а теперь матрос. И этот проклятый египтянин грозился раскрыть его и украл у него последнюю нить, связывающую с тем берегом, что остался за краем мира, который он не может найти.

Появление Ричарда и следующие за этим события ставят под сомнение сделку по выкупу калюмета по окончании плавания, которую Гюго ему обещал.

Ричард выразил сожаление и хотел уйти, но Нучото выставил ладонь вперед, требуя вернуть его вещь. В его жесте было столько отчаянной решимости, что Ричард в растерянности замер.

Напряжение нарастало, и Чейз звонко хлопнул своей ладонью по его.

В момент, когда англичанин коснулся кисти Нучото, мир вокруг закружился. Пронзительный крик сокола раздался прямо в голове Ричарда — такой громкий, что он на мгновение оглох. Дым от трубки, который только что лениво вился в воздухе, вдруг замедлился, загустел и окутал все вокруг плотной, непроницаемой пеленой.

На мгновение Чейз оказался лежащим на пыльной земле. Подняв голову, он увидел бесконечные горные хребты, ухо-

дящие в небо. Воздух был сух и горяч, пахло полынью и дымом костра. Ричарду стало очень жарко, и он понял, что стоит в костре, а вокруг огня отдыхало краснокожее племя. Все были разного возраста, в разноперых головных уборах. Они смеялись и передавали друг другу священную трубку, прикладывая ее к губам. Гул голосов, смех, треск костра — все это звучало так реально, что у Ричарда закружилась голова.

В один момент все затихли после того, как один из мужчин указал пальцем прямо в костер — на неожиданного гостя. Десятки пар темных глаз уставились на Ричарда. В них не было враждебности — только спокойное, древнее знание.

Ричард поднял крест и начал молиться; спустя секунду вспышка света разорвала эту связь.

Сновидец, пошатываясь, открыл глаза и посмотрел на суровое лицо Нучото. Голова гудела, перед глазами все плыло, а в ушах все еще стоял тот пронзительный крик сокола. Ричард попятился и задался вопросом: что за символ в его руках? Возможно, впервые он увидел равного себе. Его мысли коснулись и калюмета. Англичанин внимательно осмотрел трубку, заметив сходство со свирелью.

Нучото указал пальцем на калюмет, потом на мешочек с травами и начал напевать: «Кинни-кинник...»

Эмоции Ричарда сошли на нет, а любопытство осталось. Чейз нахмурился и предложил Нучото сделку, суть которой была проста. Краснокожий жадно ловил каждое слово и утвердительно кивал. В его глазах впервые за весь разговор

мелькнуло что-то похожее на надежду.

В итоге оба крепко пожали руки и сошлись на том, что их пути объединяются и разойдутся после достижения целей похода.

Беседу прервали радостные крики. К ним подбежал рыжий друг Нучото. Представившись Марком, матрос призвал посмотреть на горизонт. Он тыкал пальцем вдаль, и лицо его сияло неподдельным счастьем.

Все кричали и ликовали. Команда корабля была рада не дождю, а появившейся вдали суше. Ричард посмотрел туда, куда указывали матросы, и впервые за много дней на его лице появилась улыбка. Вдалеке, на горизонте, темнела полоска земли.

Глава 13. Рико Ганс

Город, к которому после долгого плавания причалили узники моря, располагался в устье реки Траве. В лицо пахло запахом свежей рыбы, смолы и дыма от многочисленных очагов — после спертого воздуха трюма это казалось райским благоуханием.

Расставание с капитаном не было приятным. При спуске в лодке произошло ужасное происшествие: одного из матросов насмерть заколола крупная рыба с мечевидным отростком на носу. Все случилось так быстро, что среагировать было невозможно. Крик несчастного, захлебнувшийся кровью, еще долго стоял в ушах. Несчастный погибал в мучениях, но и морскому губителю отомстили. Пока рыба пыталась вырваться из тела страдальца, ее насадили на багры и вручили капитану.

Сэр Алекс был крайне недоволен соотечественниками, ибо те увели в свою команду пятерых человек, включая погибшего, который готовил им лодку. Справедливости ради, капитан понимал, что хорошо на всех заработал и с легкостью найдет замену в оживленном городе Любек.

Распроставшись с сэром Алексом и деньгами, Ричард раздавал указания. Гюго и Вигмару надлежало закупить провизию. Марку, который напросился в команду, и Нучото — подобрать хороших лошадей. Ренард Шеро отправился на по-

иски проводника, который понимал бы их речь или язык любого из их разношерстной команды. Сам Ричард охранял вещи.

Прошло несколько часов. Солнце уже перевалило за полдень, тени стали длиннее, а Ричард все сидел на тюках, вглядываясь в уличную толпу. Спокойствие нарушил мужчина в мехах, который не смог пройти мимо, не заговорив с паломником. Незнакомец с любопытством оглядел путешественника и с неподдельным интересом пытался узнать, что же чужеземец ищет в этом городе.

Ричард развел руками, дав понять, что ничего не разобрал. Лишь единичные слова вроде «ростбиф», «шпрехен», «Любек» проскальзывали среди незнакомых фраз.

Наконец на ломаном английском, по слогам выделяя каждое слово, дикарь пояснил, что они находятся в городе Любек, и спросил, что же тут нужно сиру «ростбиф».

Ричард ответил, что он художник, и для достоверности своих слов скинул ткань с последнего полотна.

Мужчина замер, увидев картину. Солнечный свет упал на холст, и лес на нем будто ожил, заиграл красками. Незнакомец невольно протянул руку, словно хотел прикоснуться к изображению, но в последний момент отдернул.

Мужчина, похожий на охотника, медленно выговаривал слова и показывал на себя. Выглядело это забавно, но Ричард понял: незнакомец представился Рико Гансом. После ответной любезности Ганс заговорил о картине, ее смысле и стои-

мости. Получив ответ, что картина бесценна и не продается, Рико слегка возмутился, и разговор перешел к цели прибытия в Любек.

Казалось, беседа зашла в тупик, и Ричард, решив пошутить в ответ на его назойливость, рассказал, что он и его команда ищут чашу Лазаря.

Местный на мгновение задумался, постучав пальцем по топору и сдерживая улыбку, многозначительно промычал, потом сослался на прежнее влияние тевтонцев в их землях. Сиру пришлось выслушать историю о том, что около десяти лет назад, в 1410 году, русые люди с востока нанесли поражение Тевтонскому ордену. Местные думают, что после проигрыша их влияние ослабло, и развязывают языки. Рико посоветовал, что в этих землях лучше по-прежнему помалкивать о религии и реликвиях, ибо можно наткнуться на фанатичных гуситов или врагов христианства.

Ричард поблагодарил за предостережение и поинтересовался, где житель Любека обучался английскому.

Искорка боли вместе с навернувшимися слезами мелькнула в глазах местного. Его лицо на мгновение исказилось, будто он вспомнил что-то невыносимо тяжелое. Помассировав виски, Рико успокоился и рассказал, что этому языку его обучала жена. Предвосхитив вопрос, Ганс сообщил, что семья его будущей супруги пряталась от войны и осела в германских землях. Мужчина вспомнил счастливые пять лет, пока свирепая болезнь не уничтожила их жизнь.

Ричард тут же выразил соболезнования и понимал всю горечь такой утраты, ибо его женщина тоже на грани жизни и смерти. В эту минуту путешественник вскинул голову к небу и беззвучно воззвал к Господу пощадить его любимую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.